

KRUPININ-VUORISALMI, ILONA:
Александр Солженицын в поисках русского народного характера

Tampereen yliopisto
Slaavilainen filologia
Kieli- ja käännöstieteiden
laitos

Filosofian kandidaatin
tutkielma, s.96

Huhtikuu 2006

Tampereen yliopisto

Slaavilainen filologia, Kieli- ja käännöstieteiden laitos
Filologian laitos II

KRUPININ-VUORISALMI, ILONA: A. I. Solženitsyn v poiskah narodnovo haraktera /
A. I. Solženitsynin kansallisen luonteen etsintä

Pro gradu-tutkielma, 96 s.
Huhtikuu 2006

Tässä tutkielmassa tarkastellaan Aleksandr Solženitsynin kansallisen luonteen etsintää. Tutkielman alussa luodaan lyhyehkö katsaus tutkimuksen keskeiseen tematiikkaan sekä kirjailijan keskeiseen tuotantoon. Varsinaisessa analyysissä nousevat esille venäläisen kirjallisuuden historian seuraavat pääpiirteet: narodnost', partiinost' ja ns. suojasäiden aika.

Narodnost'illa tarkoitetaan 1800-luvun kirjallisuuden käsitystä kirjallisuuden pohjautumisesta kansan kokemukseen ja kulttuuriin, ajatusta kirjallisuudesta massoille kansan ja kirjailijan vuorovaikutuksessa. Neuvostoaikana tärkeimmäksi kirjallisuudessa nousi puoluekantaisuus, partiinost', jossa kirjailija seuraa puolueen linjaa eikä suhtaudu objektiivisesti kuvattuun. Puoluekantaisuutta seurasi liberaalimpi aika, mitä venäläisessä kirjallisuudessa on kutsuttu ns. suojasäiden ajaksi. Tämän aikakauden kulminaationa on A. Solženitsynin kertomusten "Päivä Ivan Denisovitšin elämässä" sekä "Matrjonan talon" julkaisu.

Vuonna 1962 ilmestyneessä kertomuksessa "Päivä Ivan Denisovitšin elämässä" kuvataan ns. tavallisen miehen, Ivan Denisovitšin, näkökulmasta päivää vankileirillä. Kertomus oli ensimmäinen A. Solženitsynin julkaistu teos. Kertomuksen Ivan Denisovitš edustaa venäläistä kansallista luonteenpiirrettä. Näin hän kykenee sopeutumaan uusiin, jopa totalitaarisiin olosuhteisiin menettämättä kuitenkaan ihmisarvoaan. Hänen arvomaailmansa on niin oikeudenmukainen, että siitä voisivat ottaa oppia vankileirin muutkin asukkaat.

Vuonna 1963 julkaistussa "Matrjonan talossa" kuvastuu paluu patriarkaalisen idealismiin. Vanhurskaan Matrjonan elämää eivät ohjaa neuvostoyhteiskunnan mukanaan tuomat vieraat arvot vaan hänen lähiympäristössään ts. hänen "talossaan" kiteytyy Solženitsynin ihanne yhteiskunnasta. Matrjonan talon pirstominen symboloi neuvostoyhteiskunnan arvojen rappiota.

A. Solženitsynin pienoismovelleissa (Krohotki) käsitellään laajasti mm. venäläisen arvomaailman muutosta. Niissä viitataan tsaarin aikaisen Venäjän tilaan jolloin ihmisten elämän kantavina tekijöinä toimivat uskonnon mukanaan tuomat moraaliset sekä myös henkiset arvot. Neuvostoaikana ihmiset kokivat arvomaailman romahduksen vieraiden arvojen myötä ja samalla muuttui venäläisten kansallinen luonne Solženitsynin mukaan huonompaan suuntaan.

Juuri ennen vuosituhannen vaihtumista kirjoitetuissa pienoismovelleissa kuvastuu kuitenkin kirjailijan toivo Venäjän "uudelleensyntymisestä", sillä Venäjältä löytyy edelleen samankaltaisia puhtaita moraalisia arvoja omaavia ihmisiä kuin Ivan Denisovitš ja Matrjona, jotka voivat edistää venäläisen yhteiskunnan arvojen muuttumista Solženitsynin mukaan parempaan suuntaan.

1. Введение	1
1.1. Цели и задачи данной работы	1
1.2. Краткий обзор творческого пути Александра Солженицына	2
2. Концепция народности в XIX в. - начале XX в.	4
2.1. Народность литературы	4
2.2. Трактовка народности в критике В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова	4
2.3. Почвенничество Ф. М. Достоевского и отношение Л. Н. Толстого к понятию народности	6
3. Трансформация понятия народности в советскую эпоху. Категории классовости и партийности.	8
4. После партийности	10
4.1. Политический фон: три периода "оттепели"	10
4.2. Деревенская проза и ее место в литературе своего времени	11
5. Концепция национального характера в XIX веке - начале XX века	14
5.1. Православие и русский национальный характер	14
5.2. В России нет единого народа; раскол русского народа	17
5.3. Идеи славянофильства	19
5.4. Некоторые, особо выделяющие черты русского национального характера	20
5.4.1. Противоречивость русского народа	20
5.4.2. Свобольбие свойственно русскому народу	20
5.4.3. Доброта, беспредельность, воля	21
5.4.4. Сохранение традиций	22
5.5. Национальный характер: идеалы и страхи русского народа	23
6. Концепция народности и народного характера по Солженицыну	26
6.1. Народность по Солженицыну	26
6.2. Солженицынский народный характер	28
6.3. Православие в формовке народного характера	29
6.4. Проблема дихотомии русского народа	32
6.4.1. Солженицынская концепция истории России	33
6.4.2. "Наши" и "чужие" по Солженицыну	34
6.5. Воздействие пути России на русский народ	36
6.6. Духовность - необходимая черта русского народа в его поисках добротного пути для России	37
6.7. Некоторые другие черты, входящие в солженицынское понятие о русском народном характере	39
7. Рассказ "Один день Ивана Денисовича"	44
7.1. История создания и публикации "Один день Ивана Денисовича"	44
7.2. Иван Денисович в системе образов	46
7.3. Способность "обустроиться"	50
7.4. Значение труда для Шухова	54
7.5. Вера в жизни Ивана Денисовича	55
8. Рассказ "Матренин двор"	59
8.1. История создания и публикации "Матренин двор"	59

8.2. Пространство рассказа	59
8.3. Не легко в зоне - не легко на свободе	61
8.4. Личность Матрены	62
9. Солженицынские "Крохотки"	70
9.1. История создания и публикации "Крохотки"	70
9.2. Анализ "Крохоток"	71
9.2.1. "Озеро Сегден"	71
9.2.2. "Путешествие вдоль Оки"	78
9.2.3. "Прах поэта"	80
9.2.4. "Позор"	85
10. Заключение	90
Литература	93

1. Введение

1.1. Цели и задачи данной работы

Целью данной дипломной работы является проанализировать концепцию русского народного характера у Александра Исаевича Солженицына. Нас интересует, как писатель прослеживает изменение русской ментальности под воздействием исторических обстоятельств. Мы рассматриваем солженицынский народный характер, исходя из некоторых публицистических текстов Солженицына а также опираясь на выводы других литературоведов. Анализ русского национального характера в целом основывается на множестве статей выдающихся русских мыслителей. В последних разделах дипломной работы мы рассматриваем выше названную тему с точки зрения образной системы рассказов "Один день Ивана Денисовича", "Матренин двор" и некоторых миниатюр из цикла "Крохотки".

После краткого обзора творческой биографии писателя мы приступим к рассмотрению теории народности, как она сложилась в трудах мыслителей, критиков и писателей XIX в., которые связывают названную проблему с вопросом о национальном характере.

В третьей главе мы рассмотрим трансформации понятия "народность" в советскую эпоху, покажем, как в 30-е годы нераздельность обязательных для литературы качеств народности и коммунистической идейности слились в третью категорию "партийности".

В четвертой главе идет речь о времени "после партийности". Тогда культурная жизнь стала несколько более свободное и одним из знаков этого стало возникновение так называемой "деревенской прозы". Этот период интересует нас и потому, что кульминацией этого времени считается публикация повести "Один день Ивана Денисовича" и рассказа "Матренин двор" Солженицына.

В следующих пятой и шестой главах содержится более доскональный анализ концепции русского национального характера. Мы будем разбираться в том, какие основные черты воздействовали на формирование русского национального характера с точки зрения некоторых выдающийся мыслителей. Нас особенно будет

интересовать, каково влияние русской Православной Церкви, что значит раскол русского народа и как это все, в свою очередь, воздействовало на характер русского народа. Разумеется, в связи с этим, мы обратим внимание и на полемику между западниками и славянофилами. Сделав акцент на взглядах последних нас более всего, однако, интересует славянофильский взгляд, так как А. Солженицын принадлежит к так называемой возрожденной волне славянофилов.

В шестой главе нашей целью будет обсуждение солженицынской трактовке русского народного характера и ее своеобразии, прежде всего в его публицистических текстах "Как нам обустроить Россию" и "Россия в обвале".

В следующих трех главах, т.е. в аналитической части, главным материалом нашей работы являются художественные тексты Солженицына: "Один день Ивана Денисовича", "Матренин двор" и "Крохотки". Мы особенно подробно остановимся на анализе образов главных героев первых двух произведений, так как, по мнению многих исследователей именно они персонифицируют солженицынские идеи о русском национальном характере.

В последних разделах мы остановимся на анализе некоторых миниатюр из цикла "Крохотки". Промежуток между первыми текстами цикла и последними "Крохотками" составлял более четверти века. За это время в России многое изменилось. Распался Советский Союз, Солженицын вернулся в Россию из изгнания. Нас интересует, каково воздействие этих событий на солженицынскую концепцию народного характера. В заключении мы подводим основные итоги исследования.

1.2. Краткий обзор творческого пути Александра Солженицына

Солженицын родился в Кисловодске в 1918 г.

В 1941 году в связи с обнаруженными цензурой в его фронтовой переписке с другом юности резко критических оценок личности Сталина он был арестован и осужден на 8 лет. С 1947 по 1953 г. он находится в разного рода сталинских лагерях и на поселении в Казахстане.

После реабилитации в 1956 г., Солженицын живет в Рязани и преподает в школе. Все это время идет постаенная писательская работа над романом "В круге первом", созревает замысел "Архипелага ГУЛАГ". В 1959 г. за три недели написан рассказ

"Щ-854" ("Один день одного зэка"), опубликованным в 1962 г. в журнале "Новый мир" под названием "Один день Ивана Денисовича". Весть этой публикации облетает весь мир. Солженицын сразу становится известным.

В 1963 г. в "Новом мире" напечатаны рассказы "Матренин двор", "Случай на станции Кочетовка", "Для пользы дела".

В 1967 г. Солженицын обратился к делегатам IV съезда писателей СССР с письмом, в котором поставил вопрос об отмене цензуры и обнаружил некоторые факты преследований, направленных против него. В 1968 г. закончен "Архипелаг ГУЛАГ". "Раковый корпус" и "В круге первом" выходят за границу. В 1969 г. Солженицын исключают из Союза писателей. В 1970 г. ему присуждается Нобелевская премия по литературе.

В 1974 г. Солженицын арестован, лишен гражданства и выслан в ФРГ. С 1976 г. Солженицын с семьей живет в усадьбе близ города Кавендиш, штат Вермонт. Выходят его статьи в сборнике "Из-под глыб" (1974), статьи "В Советском Союзе" (1969-1974), "На западе" (1974-1980). Работает над произведением "Красное колесо".

В начале перестройки в 1989 г. редактору "Нового мира" С. П. Залыгину удается напечатать "Нобелевскую лекцию", а затем отобранные автором главы "Архипелага ГУЛАГ". С 1990 проза Солженицына широко печатается на родине.

В 1990 г. указом Президента СССР писателю возвращено гражданство. "Литературная газета" и "Комсомольская правда" публикуют брошюру "Как нам обустроит Россию?", в которой автор высказывает варианты проведения социально-экономических и политических реформ. В 1994 г. Солженицын возвращается на родину.

В последние годы публикуются рассказы и лирические миниатюры "Крохотки" (1995-97), "Россия в обвале" (1998), "Двести лет вместе" (2002) и др.

2. Концепция народности в XIX в. - начале XX в.

2.1. Народность литературы

Подобное развитие понятия "народность" в искусстве, модификация его смысловой структуры, обнаруживается в русской литературной критике XIX века. Согласно КЛЭ подобно французским романтикам 20-х годов, выдвинувшим принцип "колорита места и времени", они трактовали народность как верность национальной самобытности - нравам, обычаям и языку. Однако, в "КЛЭ" подчеркивается тот факт, что, став общепризнанным, принцип народности обрел многообразность и неопределенность. (КЛЭ 1968:116)

В 1840-х годов полемика о понятии "народность" захватила не только искусство, но и всю сферу общественной мысли, резко сказавшись в сопротивлении двух направлений - западничества и славянофильства. Последние считали, пишется в "КЛЭ", что народность заключается, прежде всего, в исконной национальной самобытности, особенности русского народа, призванного выразить миру свое мнение. (КЛЭ 1968:116-117.) Большое влияние на определение категории "народность" в русском культурном сознании имели некоторые критики и писатели XIX в.

2.2. Трактовка народности в критике В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова

Западник В. Г. Белинский (1811-1848) был критиком, теоретиком и общественным деятелем своего времени. Деятельность Белинского пришлась на время царствования Николая I, когда единственной отдушиной для человека была литературная критика и художественная литература. (Offord 1998:151-152.) Белинский много писал о западной и русской литературе (особенно о Пушкине и Гоголе), с уважением относился и Петру Первому, который приблизил Россию к западной цивилизации и удалил от восточного варварства. (там же:152.)

С другой стороны Белинский соглашался с тем, что у русских есть своя извечная национальность, национальная суть (КЛЭ 1968:117). Как Г. Н. Пospelов пишет в своей книге "Теория литературы", Белинский разумел под 'народностью' верность

изображения нравов, обычаев и характера того или другого народа, той или иной стране (Handbook of Russian Literature 1985:293). Весьма существенно, что Белинский был против славянофильства, считая его обскурантизмом, рабством и восточным варварством и потому он не принимал славянофильские идеи национальной сути, в том числе, душевно-целостное христианство, "соборную любовь" и смирение" в противовес западноевропейскую принципу индивидуальности. Белинский называл все это "мистикой" и "риторикой" и отказывался точно определить характер "национального", отмечая что: "В чем состоит эта русская национальность - этого пока еще нельзя определить" (КЛЭ 1968:117). Он считал в частности, поэзию Пушкина верной русской действительности. Белинский называл Пушкина русским национальным, народным поэтом, имея в виду второй аспект проблемы народности в литературе. (Поспелов 1978:180.) В поэзии Пушкина, по Белинскому, выразился "русский дух", органически усвоивший европейское образование. "Народный" и "национальный" поэт значительно чаще для критика синонимы, хотя иногда народное сужается до простонародного, а национальное - остается общенародным, - пишется в КЛЭ. (КЛЭ 1968:117.)

Белинский коснулся и третьего аспекта проблемы народности в литературе. Говоря о сочинениях Пушкина, он обращает внимание на проблему социальной доступности, отметив, что чтобы считаться народным поэтом или писателем, человек должен быть известен среди своего народа. (Handbook of Russian Literature 1985:293.)

Критик Н. А. Добролюбов (1836-1861), развивая идеи Белинского, перенес акцент на социальные аспекты, связав идеи народности с социальной критикой. В своей статье "О степени участия народности в развитии русской литературы" он также писал о доступности искусства, "о немалой заслуге литературы за последнее десятилетие, которая может сделаться громадною [---] если интересы, возбужденные литературой, проникнут, наконец, в массы народа" (Поспелов 1978:180). По словам Поспелова, Добролюбов считал задачу литературы последнюю задачу служить выражением народных стремлений особенно важной. Под этим, пишет Поспелов, он подразумевал, что "писатели могут совпадать в идейной направленности своих произведений с народной точкой зрения, с точкой зрения народных масс, в их

общих, т. е. гражданских, интересах и могут откликаться на такие их интересы сознательно" (Поспелов 1987:181). То есть, Добролюбов первый четко поставил вопрос о возможности народного значения художественной литературы, отличая его от вопроса о значении литературы для развития национальной духовной культуры. (Поспелов 1987:181.)

2.3. Почвенничество Ф. М. Достоевского и отношение Л. Н. Толстого к понятию народности

Ф. М. Достоевский (1821-1881) начинал свой творческий путь в 1846 году публикацией романа "Бедные люди", в рамках натуральной школы, которая стремилась изображать народ без сентиментализма и ложной идеализации. (Кравцов 1966:12-13.)

В 1849 году Достоевский был арестован и сослан в Сибирь. За время пребывания Достоевского в Сибири его убеждения изменилось. А. Б. Криницын пишет, что от прежних социалистических идей Достоевского не осталось и следа. Опыт общения с каторжниками не только не озлобил Достоевского против народа, а наоборот убедил в необходимости для всей дворянской интеллигенции возврата к народным корням, к узнаванию русской души, к признанию духа народного. (Криницын 1998:372.) Выступая позже как критик и публицист Достоевский придал большое значение понятию "народности" в литературе.

В издаваемых им журналах "Время" и "Эпоха", Достоевский проповедовал идеи "почвенничества" - теории, очень близкой к славянофильству, суть которой заключалась в убеждении, что "русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент" (Криницын 1998:372). Мыслитель С. Н. Булгаков полагал, что Достоевский, подобно славянофилам, стремился к осознанию уникальности России и не желал, чтобы русская нация шла по пути копирования западноевропейских культурных ценностей и образцов поведения (Матвеева 2002:121). К тому же, Достоевский и другие почвенники старались обнаружить в русском народе в патриархальности русского крестьянства нравственную сущность национального характера

В представление о патриархальном русском характере Достоевского обязательно включался религиозный аспект, идеи исконной православности русского народа. (см., Leatherbarrow 1998:252.)

Л. Н. Толстой (1828-1910) - один из самых великих русских писателей. Как говорится в "Reference Guide to Russian Literature" Толстой подобно Белинскому, начал свою деятельность во время царствования Николая I, когда активно стала обсуждаться идея национального русского характера. К этой теме Толстой обращался неоднократно. (Reference Guide to Russian Literature 1998:816.)

Например, в рассказе "Кому у кого учиться, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?" он предлагает людям учиться от крестьянских ребят. Иными словами, подобно почвенникам, он считает необходимым вернуться обратно к русскому корню, к народной почве, а не быть оторванным от нее.

В более позднее в трактате "Что такое искусство" Толстой рассматривает тему бесполезности для народа подавляющего большинства произведений мировой классики. Аутентично народным он считает такие произведения, которые доступны народу по форме и заражают его религиозным чувством добра, справедливости и братства. (Reference Guide to Russian Literature 1998:816.)

3. Трансформация понятия народности в советскую эпоху. Категории классовости и партийности.

Как говорится в "КЛЭ", проблема народности искусства остается злободневной для современной советской эстетики как в аспекте национального своеобразия и идеологической устремленности. К тому же актуальной остается и проблема доступности искусства народу. (КЛЭ 1968:118.)

Проблема народности стала активно обсуждаться в советской эстетике и критике. Как полагаются Р. Kenez и D. Shephard в своей статье "Bolshevik Views of Culture: Modernization and Patronage", в критических работах того времени подчеркивается нераздельность обязательных качеств народности и коммунистической идейности, и они сливались в третью категорию - партийности (Kenez, Shephard 1998:23). Следовательно, в советском контексте народность рассматривается неотрывно от партийности в литературе (КЛЭ 1968:119).

Понятия партийности и классовости искусства, разработанные еще до революции 1917 г. в работах Г. В. Плеханова и В. И. Ленина "Партийная организация и партийная литература", стали главными и определяющими, они "поглотили" категорию "народности" - как менее важную и менее значительную.

Так, например, И. А. Спивак в своей работе 1961 года "Партийность и народность советской литературы" пишет, что - классовость творчества всеобщая категория художественного творчества, которая существует ровно столько, сколько существует классовое общество и классовая борьба (Спивак 1961:12-13).

Таким образом, после октября 1917 года русская литература классического века, которая считалась общенациональной, исчезла. И в ее место пришла новая категория литературы с новыми задачами - выражать классовые интересы и решать идеологические задачи с позиций партийности. При этом коммунисты много говорили о народности в смысле доступности, понятности литературы. Опираясь на слова Ленина "искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толпу широких трудящихся масс." Советский критик В. Калинин в книге "Партийность и творческая индивидуальность

писателя" пишет, что литература должна быть доступна, любима и понятна всем, тогда только она выполнит свои задачи (Калинский 1965:11). Весьма существенно, что Ленин и те, кто развивая его идеи, мало интересовались традициями русской культуры; они считали особые обычаи русского крестьянства проявлением отсталости. Их целью была создать более модернизированное общество именно с помощью литературы. (Kenez, Shephard 1998:2.)

Что, на самом деле, обозначало применение партийности на практике, о том пишет описательно в частности, А. Бем в своей книге "Исследования. Письма о литературе": "Шли годы. Революция в России сходила на нет. Военный коммунизм сменился сначала НЭПом, а затем периодом социалистической реконструкции. По существу же просто-напросто утверждалась самая реакционная диктатура. Наступил период 'сталинищины'. Литература все больше и больше бралась в тиски. [---] Производственные темы стали обязательны. Писатель, если он хотел вообще печататься, должен был отказаться от свободы выбора тематики" (Бем 2001: 381).

4. После партийности

4.1. Политический фон: три периода "оттепели"

В течение 50-х и в начале 60-х годов было время нескольких "оттепелей". Характерным для этого периода было колебание между двумя терминами: "оттепель" и "заморозки". Первый период "оттепели" был в 1953-1954 -ом годах. После смерти Сталина начали обсуждать проблему контроля власти над культурой. Начали критиковать лакировку и требовать большей глубины и честности. К этому периоду относятся первые попытки деревенской прозы изображать более реально жизнь деревни. (Ben Hellman 1995:43.) Тогда же появилась и статья Федора Абрамова "Люди колхозной деревни в послевоенной прозе", в которой Абрамов указывал на фальшивость изображения уклада послевоенной сельской России. (David Gillespie 1998:60.)

Второй период "оттепели" начался в 1956-ом году появлением нескольких спорных литературных работ, в частности, романа Владимира Дудинцева "Не хлебом единым". Название этого производственного романа содержит ссылку на христианский мотив, которые, конечно, во времена партийности не обсуждались а сейчас они снова стали появиться в литературе. При том, тема "положительного героя" и другие "советские" мотивы были доведены до минимума. (Clark 1998:55-56.) Таким образом, в романе подчеркиваются совсем другие ценности чем при партийности. Впрочем, что касается второго периода "оттепели", то это было только временное явление, которое закончилось разгромом восстания в Венгрии. Тогда Хрущев заявил, что роль партии в культурной жизни не подлежат обсуждению. (Вайль, Генис 1998:249).

Кульминацией третьего периода оттепели (1956-1964), разумеется, была публикация "Одного дня Ивана Денисовича" и "Матренина двора" Александра Солженицына в 1962-ом и 1963-ом годах. Весьма существенно то, что именно с "Матрениного двора" началось возвращение к патриархальному российскому идеалу, позже развитое деревенщиками (Вайль, Генис 1998:249). Однако уже в 1962-ом году можно было заметить, что власть не довольна культурным плюрализмом. Это

выяснилось особенно после неожиданного посещения Хрущевым выставки современного искусства в московском Манеже. Указывая на одну из выставленных картин, он сказал следующее: "Осел хвостом машет лучше". П. Вайль и А. Генис пишут в своей книге "Мир советского человека":

Между знаменитой манежной выставкой и выходом ноябрьского номера "Нового мира" с повестью "Один день Ивана Денисовича" прошло две недели. Впоследствии в этих двух событиях видели символические вехи, считая, что эпоха советского либерализма пришлась - и уложилась - как раз в эти две недели (1998:190).

После отставки Хрущева в 1964-ом году культурная жизнь стала снова управляемой.

Одним из проявлений относительной свободы в культурной жизни во время "оттепели" стало появление так называемой "деревенской прозы". Статья Ф. Абрамова, упомянутая выше, было своего рода "знаком", указывающим на это новое в литературе явление. С другой стороны, можно видеть в появлении "деревенской прозы" и продолжение некоторых традиций XIX века.

4.2. "Деревенская проза" и ее место в литературе своего времени

Большое значение имеет утверждение Hellberg-Hirn о том, что можно увидеть параллели между поведением и психологией советской интеллигенции 60-х гг. XX века и русской интеллигенции второй половины XIX века. Такие параллели можно увидеть в факте появления либеральных литературных журналов - это "Современник" Некрасова и "Новый мир" Твардовского, которые влияли на читающую публику и играли важную роль в обществе. Рост народничества в 70-е гг. XIX века и появление почвенников, которые верили, что русское общество должно соединиться с народной почвой, соответствует возникновению деревенской прозы в 70е гг. XX века. (Hellberg-Hirn 1998:243.)

Л. Вильчек пишет в своей статье о деревенской прозе, что возникновением современной деревенской прозы считается сентябрь 1952 года, когда читатели получили номер "Нового мира" с первой частью повести В. Овечкина "Районные будни". В этой книге А. Твардовский, который долго был редактором журнала,

проницательно почувствовал факт поворотного для литературы значения. Главной заслугой "Районных буден" было то, что книга вызвала глубокие изменения в общественном сознании, являющемся реальным фактором общественного бытия. (Современная русская советская литература 1987:55,61.)

Как уже выше говорилось, на протяжении 30-х и 40-х годов господствовало требование рассматривать народность в литературе неотрывно от партийности. Затем, как говорится в "Краткой литературной энциклопедии", постоянно возбуждаются острые споры о частных аспектах народности в литературе, в том числе об эпичности произведений, их национальном колорите, изображении рабочего или крестьянина как носителя нравственных ценностей. (1968:119).

После смерти Сталина литература, как пишет D. Gillespie освободилась от неплодотворной монолитности, возвратилась к умеренному реализма и более естественному изображению советской жизни (Gillespie 1998:59). Действительно, как пишет Н. Жилина в своей книге "Новеллистка В. Шукшина в литературном процессе 60 - 70-х годов XX века", на рубеже 50-60-х годов минувшего века после долгих лет оптимистических речей наступил момент пробуждения общества к живой жизни. Она отмечает, что в обществе стала четко осознаваться болезненная искривленность в отношениях между государством и человеком, коллективом и индивидуумом, обществом и личностью. По ее словам, медленно и с трудом, но все-таки происходило постепенное возвращение к нравственным исконным ценностям и общечеловеческим духовным ориентирам. (Жилина 2000:3.)

Выросшие в деревне писатели возвращались обратно к истокам, отмечает советский критик Вильчек. Они обратили свой взгляд к родной деревне, открывая в ней поэзию, т.е. нравственные и человеческие ценности, которые начинают осознаваться лишь в результате утраты. (Вильчек 1987:65.) Кроме того, по словам Жилиной, в критике очень неточно эти писатели были названы "деревенщиками" только потому, что материалом их произведений чаще всего была жизнь современной деревни, а героям - сельские жители (Жилина 2000:4). Деревенщиками считались, в частности, такие писатели как В. Белов, В. Шукшин, Б. Можаяев, В. Астафьев, Ф. Абрамов, В. Распутин и др.

В. М. Акимов говорит в своей книге "Сто лет русской литературы", что:

Преодолев картонные монолиты ортодоксальной советской литературы, действие которой всегда происходило неизвестно где – в условном пространстве директивной казенной утопии, снова начинается нескончаемое – 'за далью – даль' – хождение по России. [---] судьбы и люди русской провинции все еще остаются живыми истоками, надеждами и тревогами новой русской литературы (Акимов 1995:58).

Таким образом, литература возвращается к классической для реализма формуле, т.е. типический характер в типических обстоятельствах, осуществлялось и возвращение к классическому жанру повести. У писателей снова появился интерес к исследованию характеров, жизни человеческого духа. (там же:68) К тому же, согласно Жилиной писатели вновь обращают внимание даже на самую "маленькую" личность, на любого, пусть самого незаметного человека, его повседневные заботы и житейские проблемы, его семейные радости и бытовые огорчения. (Жилина 2000:3.)

5. Концепция национального характера в XIX веке - начале XX века

Как уже было отмечено выше, понятие народности в литературе имеет ряд аспектов. Второй аспект, т.е. "меру глубина и адекватности отражения в художественных произведениях облика и мирозерцания народа", связан с проблемой национального характера, его трактовкой и пониманием. Н. Матвеева в "Вестнике Московского университета" отмечает, что на самом деле, упорная работа по исследованию проблемы русского национального характера шла на протяжении всего XX века. Впрочем, и некоторые мыслители XIX века, в частности, Белинский связывали "народность" непосредственно с народным характером, подразумевая под этим термином верность изображению нравов, обычаев и характера того или другого народа. Следовательно, в этой главе мы будем рассматривать тему национального характера и его трактовки. Мы ссылаемся, в основном, на работы Б. Вышеславцева, Е. Хеллберг-Хирн (Hellberg-Hirn), Н. Лосского, Н. Бердяева, Д. Лихачева, С. Булгакова и др. Так как тема очень велика, то мы будем делать акцент на те черты, которые актуальны при дальнейшем разговоре о Солженицыне.

5.1. Православие и русский национальный характер

Все выше названные мыслители отмечают, что русская история и религия, именно православие в большой степени воздействовали на формирование русского национального характера, хотя в трактовке этой темы, у них есть и расхождения.

Мыслители возводят прямо к православию довольно многие черты русского характера. Н. О. Лосский в своей статье "Характер русского народа", пишет, что важнейшее выражение религиозности русского народа осуществлено в Русской Православной Церкви. По его словам, у русского народа есть способности к восприятию религиозного, нравственного, эстетического опыта, интеллектуальной интуиции и все это связано с исканием абсолютной правды и религиозности. К тому же он пишет, что основной, наиболее глубокой чертой характера русского народа является религиозность и связанное с ней искание абсолютной правды, относящее к числу его постоянных духовных качеств, присущих ему на разных этапах истории. Все это связано с православием. Он разделяет мнение философа Н. А. Бердяева в том, что русское православие сосредоточено на стремлении к Царству Божию.

(Лосский 1991:35-37.) Иными словами оно сосредоточено на стремлении к сверхземному абсолютному добру.

Во-вторых, Лосский отмечает, что православие воздействовало на русскую культуру, и таким образом также на русскую литературу. Он пишет, что русская литература, начиная с Пушкина, есть живое доказательство того, что все слои русского народа проявляют особый интерес к различению добра и зла. Лосский считает, что русский человек обладает особенно чутким различением добра и зла: он внимательно замечает несовершенства всех поступков страны, её нравов и учреждений, однако, никогда не удовлетворяясь этим и не переставая искать совершенного добра. В русской литературе неоднократно обращаются к этой проблеме. В частности Пушкин, а также и Достоевский относились к этой теме с повышенным интересом. Кроме того, Лосский полагает, что философские искания смысла жизни играют большую роль не только в русской литературе, но и среди народа, который любит обсуждать мировоззренческие вопросы. (Лосский 1991:42,44.)

Кроме выше названных черт характера существует и другие, которые очевидно вытекают из православия. Мыслитель С. Булгаков пишет, что свойством русского национального характера является также его двойственность и загадочность (Матвеева 2002:118). Русские семиотики Ю. Лотман и Б. Успенский связывают двойственность русской культуры со строем Православного мира, где рай и ад радикально противопоставлены и где чистилище не выступает посредником. Из этого уже можно сделать вывод, что в русском характере противоречивость играет немалую роль.

Hellberg-Hirn предлагает в своей книге "Soil and Soul: The Symbolic World of Russianness", что существует такое представление в православии, что неправославный человек считался иноверцем и в то же время нерусским. Об этом же свидетельствует и факт, который приводит В. Капитанчук в своей статье "Лик России", - что в официальных документах дореволюционной России указывалось вероисповедание, а не национальность человека (Капитанчук <<http://www.ikonolog.narod.ru/3.htm>>). То есть предполагалось, русский не может не

быть православным. Иными словами быть русским - это, значит, принадлежать Православной Церкви. Ссылаясь на слова Чернышевского, Hellberg-Hirn отмечает, что русский человек и Православие на самом деле синонимы. Об этом же писал и Достоевский. Согласно ему, русский человек имел особые отношения с Христом, внешнем проявлении которых является православие и поэтому ясно, что неправославный человек не может быть русским. (Hellberg-Hirn 1998:103.) Расцерковляясь, согласно Капитанчуку, удаляясь от религиозного идеала, русский человек теряет и признаки русского, хотя не сразу, но все-таки постепенно (Капитанчук <<http://www.ikonolog.narod.ru/3.htm>>). Далее он пишет, что русским может стать человек любой крови, если он ведет образ духовной жизнью русского народа. О необходимости веры для русского человека говорит и отрывок из его статьи, где он отмечает, что "и русский по происхождению свободен, отпасть от своих предков, от православии, и в том случае он становится сухой веткой, чуждой жизни живого дерева" (там же). То есть, для многих мыслителей и исследователей роль православной церкви в жизни русского народа бесспорна.

Об этом же пишет и Н. М. Симонова в своей статье "Русская религиозная философия о смысле жизни и духовности человека", ссылаясь на мысль Н. Арсеньева:

Как отдельный человек, так и каждый народ должен иметь источник вдохновения в лице духовных сил, который творчески расширяют жизненные горизонты, поднимают высшую плоскость сравнительно с природными данными людей. Духовные начала - это самое ценное достояние в жизни народа, именно они обеспечивают народу возможность духовного дыхания. Для русского народа основным источником духовной жизни было христианское благовестие, принесенное ему Православной Восточной Церковью. 'Православная Церковь, великая воспитательница народной души, насаждала в русском человеке дух трезвенности, внутренней меры, смирения, мужественности и духовного подвига, подчиняющего внешнюю эмоциональность просветленным законам духовной жизни' (Симонова 2004 <<http://samara.orthodoxy.ru/Hristian/simonova.html>>).

Весьма существенно здесь и то, что православие связывается с национальной идентичностью, как критерий различения "своих" и "чужих" (см. Hellberg-Hirn 1998:171).

Некоторые философы связывают православие и с русской государственностью. Так С. Булгаков считает, что русская государственность должна быть основана на вере, а не на "правах человека", "свободах", или иных "ценностях" не являющихся таковыми для русской души. "Вера - это вера во Христа, другой истинной веры нет и не может быть у русского народа", пишет Булгаков. И когда он отходит от нее, то погружается в хаос и мрак, лишается человеческого облика, что и произошло во время революции. Он убежден, что революционные события 1917 г. в России стали для русского народа трагедией. (Матвеева 2002:120,121.) Общеизвестный факт то, что Россия переживает и сейчас трудные времена. Симонова отмечает, что: "В который раз русский народ выносит на своих плечах все тяготы социального переустройства общества. Перечисляя главные качества русского человека, (доброта, смирение, кротость, милосердие, религиозность), она полагает, что во время десакрализации, духовного оскудения людей охватывает смятение, острое переживание кризиса традиционных духовных ценностей" (Симонова 2004 <<http://samara.orthodoxy.ru/Hristian/simonova.html>>).

Кроме духовных качеств, православие имеет влияние также представление русского человека о материальных ценностях. В частности на отношение русских к деньгам Hellberg-Hirn справедливо отмечает, что отношение к деньгам у русских другое по сравнению с Западной Европой. Православие, ведь, отвергает земные ценности. Деньги ассоциируются с безбожным западом городом и таким образом они были символом жизни и культуры, чужой для большинства русских, которые в дореволюционной России еще жили в традиционной крестьянской культуре. (Hellberg-Hirn 1998:173.)

5.2. В России нет единого народа; раскол русского народа

Выше названные мыслители акцентируют внимание на раскол церкви, так как уже выяснилось роль Православной Церкви в России немалая. Каково воздействие раскола на русский народ? Hellberg-Hirn говорит о расколе русского народа, начиная с 1666-1667 годов, когда произошел так называемый церковный раскол вследствие которого в России развились две культуры: одна, которая защищала старинные корни и обычаи и другая, которая была готова модификациям. В Петровскую эпоху

произошел еще один серьезный разрыв, начался спор западной светской культуры с традиционной религиозной. При Советском Союзе православная церковь испытывала еще один раскол вследствие атеистической политики в стране. (Hellberg-Hirn 1998:92-93.)

Все эти расколы воздействовали на русский народ, разделяя его. По сути дела, в России не было единого русского народа. Народ, в свою очередь, противопоставлялся то интеллигенции и образованным классам, то дворянству и классам господствующим. Тем не менее, существовало такое представление, что народ в общественной мысли России считался носителем высшей истины и мудрости, недоступных представителям образованных классов, несмотря на всю утонченность их культуры и широту познаний. (Бирюков, Сергеев 1997:65.) Как уже было отмечено выше, например Толстой предлагал образованным взрослым учиться у крестьянских детей.

В этой связи еще одно замечание. Как носитель высшей истины и мудрости народ в основном отождествлялся с крестьянством. На рубеже двух столетий, т.е. концу XIX - началу XX века крестьянство составляло около 90 процентов населения Российской империи, пишет Л. Вильчек. По ее мнению, "русский народ" и "русское крестьянство" считались, на самом деле, понятиями-синонимами (Вильчек 1987:54). Согласно "Толковому словарю" В. А. Даля (1955:192), крестьянин - это крещеный человек. По "Краткому этимологическому словарю русского языка" слово крестьянин - общеславянское заимствования из греческого языка *Christianos* т.е. христианин (1971:220). Как уже было отмечено, русский человек и православие считались понятиями- синонимами. К тому же русский народ и крестьянство синонимы, то есть, можно сказать, что у русских крестьян уклад жизни был преимущественно православный.

5.3. Идеи славянофильства

Спор о национальном характере и прошлом и будущем России в XIX в ожесточенно вели. Славянофилы верили, что настоящая душа народа проявлена в русской истории, обычаях и языке. Главным для них была православная церковь. Они считали, единственными настоящими христианами тех православных русских, которые оставались верный старим обычаям. Таким образом, они критиковали Русское государство, говоря, что оно ориентируется на западные модели развития. Следовательно, славянофилы хотели заменять более общую и менее национальную форму социальной идентичности на более традиционную и предындустриальную. (Handbook of Russian Literature 1985:423.) Эти пути определенным образом были унаследованы народниками второй половины XIX в. (Hellberg-Hirn 1998:201, 205).

Н. О. Лосский, который и сам был славянофилом, пишет, что уже при основании движение славянофилов в первой половине XIX века можно найти идеализацию крестьянства. Поздний славянофил Н. Данилевский был убежден, что русская культура уникальна и самостоятельна и верил, что крестьянский мир перспективен. У крестьянского мира главной ценностью являлась семья, пишет Hellberg-Hirn ссылаясь на слова славянофила И. Киреевского (Hellberg-Hirn 1998:175). По ее словам ценности, обычаи и стереотипы дореволюционной России в советские времена сохранялись только ради защитного семейного круга. (там же:176.)

Славянофилы в XIX веке создали национальный миф в центре, которого была понятие национального характера, пишет Hellberg-Hirn. Другими словами они создали идеализацию русскости. Русские славянофилы XX века, в том числе Бердяев и Лосский, а также современные нео-славянофилы приложили огромные усилия для распространения мнения о превосходных качествах русских, таких как духовность, доброта, даровитость, свободолюбие и.т.д. (Hellberg-Hirn 1998:168.)

Изложенные выше взгляды близки А. Солженицыну. Солженицын принадлежит к так называемой возрожденной волне славянофильства. И он разделяет идеи о том, что православная вера со всеми ее элементами, старые обычаи, важны для русского

человека. Он также разделяет идеи раскола и двойственности русского общества. К изложению взглядов Солженицына мы еще вернемся ниже.

5.4. Некоторые, особо выделяющие черты русского национального характера

5.4.1. Противоречивость русского национального характера

Как уже выше было отмечено, в русском национальном характере много противоречий. Как пишет Лихачев, каждой черте противостоят, как некие противовесы, другие черты, например щедрости - скупость, доброте - злость, любви к свободе - стремление к деспотизму и т. д. Он считает эффект такого "теневого противовеса" русских национальных черт характера опасностью, которую необходимо предотвратить. (Лихачев 1990:6.)

Говоря о противоречивости русского народа, следует еще добавить, что русским свойственен максимализм и экстремизм, как отмечает Лосский, приводя пример чрезмерного морализма Льва Толстого. Согласно Лосскому,

Искусство, наука, религия до крайности упрощены им в его трактатах по этим вопросам и допускаются, поскольку они служат нравственным целям, да и цели эти, вследствие отрицания ими высших духовных ценностей низведены на степень только помощи людям питаться, одеваться, иметь жилище (Лосский 1991:46).

5.4.2. Свободолюбие

Согласно славянофилам, свободолюбие - также одно из основных свойств русского народа. Об этом пишут, в частности, Лосский, Лихачев, Бердяев и др. Лосский подчеркивает, что высшее выражение его - свобода духа - важна для русского народа. По его мнению, с этой темой связана также склонность к анархии, которая выражается в общественной жизни. Одна из причин, почему в России выработалась абсолютная монархия, иногда граничащая с деспотизмом, заключается в том, как считает Лосский, что трудно управлять народом с анархическими наклонностями. По его словам, такой народ предъявляет чрезмерные требования к государству. (Лосский 1991:48-49.)

Академик Лихачев в своем выступлении в телевизионной передаче "Философские беседы" говорил, что раньше люди свободно переходили из княжества в княжество, как и сами князья, а когда в истории России установились границы государства, то началось бегство и возникло казачество: "Народ с трудом терпел произвол государства. Вече сменили собой земские соборы. Существовало законодательство [...] защищавшие права и достоинство личности" (Лихачев 1990:4). Далее, он говорит о неискоренимом стремлении к свободе личности, приводя пример постоянных бунтов и вождей этих бунтов, в частности, Разина, Пугачева и многих других. Далее Лихачев предлагает, что стремление русские к воле в целом надо направлять по пути развития духовной множественности, духовной свободы. (там же:3-4.) В самом деле, значение духовности в жизни русского народа подчеркивается неоднократно вышеназванными мыслителями.

5.4.3. Доброта, беспредельность, воля

Согласно Лосскому и Бердяеву, доброта - одно из присущих русскому народу превосходных качеств. Лосский ссылается на слова Достоевского, который писал в 1876 году в "Дневнике писателя", что русские люди долго и серьезно ненавидеть не умеют. Лосским справедливо отмечено, что, хотя доброта есть преобладающая черта характера русского народа, в то же время есть в русской жизни также немало проявлений жестокости. (Лосский 1991:57,58.) Это жестокость своего рода "теневого противовеса", по словам академика Лихачева, - отрицательная черта русского национального характера, присущая русскому народу и весьма опасная.

Весьма существенно, как отмечает Лихачев, в свою очередь, что одна черта, замеченная уже давно, действительно составляет несчастье русских. Это во всем доходить до крайности, до пределов возможного. Хорошо это или плохо, Лихачев, однако, не будет судить. По его словам то, что:

Россия, благодаря этой своей черте, всегда находилась на грани чрезвычайной опасности - это, вне всякого сомнения, как и то, что в России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем (Лихачев 1990:5).

И здесь, Лихачев считает, что необходима духовность. Он пишет, что стремление русских во всем достигать последнего предела надо развивать преимущественно в духовной области (там же:5).

Важное значение имеет утверждение Лосского о том, что основным свойством русского народа принадлежит могучая сила воли. Иными словами, русские страстные люди. Чем выше ценность, отметит Лосский, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей, которые обладают сильной волей. Таким образом, понятна страстность русских людей в политической жизни, а также в жизни религиозной. Далее Лосский приводит пример о страстном поведении русских, в том числе, о крайнем фанатизме Ленина вместе руководимыми им большевиками. (Лосский 1991:44).

5.4.4. Сохранение традиций

Согласно "Handbook of Russian Literature" в свое время царский режим и потом, в свою очередь, советский заставляли русский народ усваивать чужие ценности и таким образом русские были лишены национальной идентичности, которая, как считали славянофилы, необходима для благополучия народа. Однако следует учитывать тот факт, что, хотя национальные вожди старались придавать особое значение порядку, правильности, дисциплине и единообразию в социальной жизни, это наоборот приводило к культу противоположных ценностей, таких как, спонтанность, щедрость - свойствам, которые включает понятие изображавшее русского человека, как "широкую натуру". (Handbook of Russian Literature 1985:423.)

Кроме выше перечисленных свойств русского национального характера есть еще несколько других, особенно ценных черт, о которых говорит Лосский, в том числе, внутренняя демократия русских, высоко развитое индивидуальное личное и семейное общение и патриотизм русских, естественная любовь русского народа к своему народу как носителю великих духовных и исторических ценностей (Лосский 1991:42,52).

5.5. Национальный характер: идеалы и страхи русского народа

В своем докладе "Русский национальный характер", написанном в 1923 году, Б. П. Вышелавцев отмечает, что область подсознательного в душе занимает исключительное место. Методом проникновения в бессознательное русского духа он, подобно Фрейду, считает сны. Однако, сны народа - это его эпос, его сказки и его поэзия. Сны отклики действительности. Они не выбирают самого красивого, а напротив они неумолимо правдивы даже в своем цинизме. (Вышелавцев 1995:112,113.)

Важное значение имеет утверждение Вышелавцева о том, что сказки беспощадны, то они разоблачают все, что живет в подсознательной душе народа, и при том в душе собирательной, охватывающей и худших его сынов. Кроме того, сказка обнаруживается все, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии и в ее официальной идеологии. (Вышелавцев 1995:114.) Вышелавцев приводит примеры из русских сказок. Анализируя их, он определяет свойственные русскому народу черты, страхи и мечты. К примеру, русская сказка демонстрирует, чего русский народ боится:

Они боится бедности, еще более боится труда, но всего более боится горя, которое привязывается к нему. И горе как-то страшно является к нему, как будто по его собственному приглашению. [---] но есть еще один страх в сказках и былях, страх более возвышенный, чем страх лишений, труда и даже горя - это страх разбитой мечты, страх падения с небес - прямо в болото (там же:113).

Вышелавцев рассматривает также, чего желает русская сказка, каковы бессознательные мечты русской души. Прежде всего, он отмечает, русские постоянно стремятся куда-то, мечтая о каком-то лучшем месте. Чаще всего это

Мечта о таком "новом царстве", где распределение будет построено на принципе каждому "по его потребностям", где можно наесться и напиться, где [...] молочные река и кисельные берега. А главное - там можно ничего не делать и лениться (там же:114).

Кроме нереалистичных мечтаний, в русском народе, как пишет Лосский, встречаются и отрицательные стороны, в том числе, леность и пассивность. Короче говоря, это "обломовщина", изображена Гончаровым в романе "Обломов".

Обломовщина есть во многих случаях оборотная сторона высоких свойств русского народа, пишет Лосский, так как стремления к полному совершенству и чуткости к недостаткам действительности России. (Лосский 1991:46.)

Следует учитывать, что все эти сказочные сны русского народа оказались мудрыми и пророческими. Наш сон исполнился, - говорит Вышеславцев, приводя пример о "Хитрой науке" и о "легком хлебе", т.е. о научном социализме Карла Маркса ради которой старуха потеряла дом и имущество. Это наука, по словам Вышеславцева, учила народ, что воровство есть не воровство, а "экспроприация экспроприаторов". Следовательно, "Хитрая наука" известила русских, как попасть в то "царство", где можно наесться и напиться, где все будет исполняться "по щучьему велению". Однако, вся это явь, утверждает Вышеславцев, в свою очередь, оказались сном и рассеялась, как сон. И это все предвидела русская сказка, так как в ней живет не только народная глупость, но и народная мудрость. В русской сказки также видно все контрасты и противоречия русского характера, свойственно русскому народу. (Вышеславцев 1995:115.)

К тому же стоит добавить, что древняя былина об Илье Муромце пророчески увидела картину русской революции. Этот русский богатырь внезапно стал разрушать все, что он признавал святыней и что защищал всю свою жизнь. Словом, он устроил разгром церкви и государства вследствие того, что богатырь чувствовал некоторую справедливую обиду, так как его не позвали на княжеский пир. Вообще говоря, Русь не участвовала в дворянской культуре, хотя защищала ее от врагов и молилась с ней в одной церкви. Таким образом, подчеркивает Вышеславцев, в этой былине, безусловно, виден весь русский характер, и говорит о несправедливости и о неожиданной и стихийной реакции на нее. Он называет революцию стихийным нигилизмом, которая мгновенно уничтожила все, чему народная душа поклонялась. (Вышеславцев 1995:116-117.) Далее Вышеславцев пишет в своем докладе: "Такова мудрость эпоса - подсознательная душа народа высказывает в нем то, чего она втайне желает или чего боится. В этих подсознательных силах заключено все прошлое и будущее" (там же:117).

Если еще раз обратиться к теме денег, то согласно тексту "Деньги в фольклоре" К. А. Богданова, предсовременное представление о деньгах, обнаруженно во снах, подтверждается в русском фольклоре. Ссылаясь на Богданова Hellberg-Hirn говорит, что такое мышление иррационально и эта иррациональность почти национальное свойство. Это все вследствие от социального разделения крестьянства от деньгах, а также от сегрегации крестьянского мира от остального русского общества до XX века. (Hellberg-Hirn 1998:188.)

И, наконец, несколько слов о формировании русского народного характера в целом. Согласно Лихачеву черт русского национального характера очень много, но доказать их существование непросто. По словам Hellberg-Hirn, русский народный характер определяется важнейшими для русского народа интересами, традициями и идеалами и таким образом они формируют изображение русской нации, а также представление других нации о русских. Ее мнение совпадается мнением Лихачева о том, что четкое определение о русском национальном характере создается с трудом, так как он является во многих случаях загадочным. (Hellberg-Hirn 1998:170.)

Меняется ли народный характер? Характер народа, считает Вышелавцев, необычно устойчив. Он убежден, что весьма вероятно, народный характер всегда остается одним тем же. При неожиданном и невероятном колебании судьбы вскрывают только его скрытые, хотя всегда присутствовавшие потенции. Следовательно, через глубокое понимание характера можно прочесть всю судьбу народа. (Вышелавцев 1995:112.) Подобно Вышелавцеву и другие мыслители, как пишет Матвеева, создавали, что понимание русского характера есть ключ к раскрытию тайны исторического назначения и судьбы русского народа. (там же:118.)

Одним словом, можно сказать, что черт русского национального характера очень много. Здесь еще стоит подчеркнуть тот факт, что не все мыслители, разумеется, имеют совпадающие мнения по этому вопросу. Однако, как уже было отмечено, мы при рассмотрении проблемы акцентировали внимание на представлениях о национальном русском характере, которые корреспондируют с представлениями Солженицына, к анализу которых мы теперь и приступаем.

6. Концепция народности и народного характера по Солженицыну

6.1. Народность по Солженицыну

Как мы уже отмечали выше, в течение долгих лет народность в литературе рассматривалось неотрывно от партийности. Партийность стала идейным критерием советской литературы. Солженицынское представление о народности в литературе - возвращение к понятиям народности XIX в. начала XX века. Следовательно, у него сходные мысли с критиками и писателями того времени. Особенно насыщен для него второй аспект проблемы народности, т.е. мера глубины и адекватности отражения в художественных произведениях облика и мирозерцания народа.

Подобно Белинскому, Солженицын полагает, что народность в литературе - это верность изображению нравов, обычаев и характера русского народа. Подобно славянофилам XIX века, Солженицын убежден, что народный характер заключается в исконной национальной самобытности. Как Достоевский и другие поздние славянофилы, он уверен, что Россия уникальна. Отрицательно относясь к западному опыту, Солженицын постарается передать через свои произведения подлинную русскость.

Говоря о проблеме соотношения понятий "народное", "национальное" и "простонародное" можно отметить, что, судя по публицистической книге "Россия в обвале", говоря о народном характере Солженицын чаще всего имеет в виду характер простого человека, человека из народа. Это видно также в образах, например, Ивана Денисовича Шухова, и Матрены Григорьевны Васильевны. Тем не менее, как отмечает Голубков, произведения "Матренин двор", "В круге первом" и "Раковый корпус" включают представителей и других слоев общества, у которых обнаруживаются такие же качества. Таким образом, можно сказать, что солженицынская трактовка народности и народного характера намного шире, и не сводится к образу "простого человека". (Голубков 1999:68.) Однако, как уже было сказано выше в своей работе мы сосредоточимся в основном на характере русского простого человека, крестьянина у Солженицына.

Кроме того, следует учитывать, что для Солженицына верность национальной самобытности, включает не только нравы и обычаи, но и язык народа. Лопухина-Родзянко пишет, что согласно Солженицыну в языке в художественной литературе во время Советского Союза было полным полно ложных, отвлеченных, псевдолитургических повторов и таким образом Солженицын настаивает на реформе языка (Лопухина-Родзянко 1974:175).

Подобно Добролюбову, Солженицын считает подлинной народностью, в частности, протест людей из народа против произвола и насилия, хотя вид протеста у него не столько непосредственный, сколько внутренний. Вообще говоря, тема насилия, уже неоднократно рассмотренная в русской литературе, чрезвычайно важна для Солженицына, чем свидетельствуют многие его произведения, в которых он развивает идеи ненасилия. Эта тема связана и с проблемой добра и зла. Недаром, многие считают, что Солженицын самый мощный изобразитель зла во всей литературе XX века (Мешков 1993:99). Кроме того, Солженицын, подобно Добролюбову, пишет о третьем аспекте народности, т.е. о мере эстетической и социальной доступности массам. Добролюбов подчеркивал великую миссию литературы. Солженицын согласен с этим, однако, к тому же он убежден, что подлинная народность в литературе способна вразумить, даже спасти человечество. При партийности литература не отражала народную жизнь, и литературная тематика была часто далека от действительности. Солженицын же, требует от литературы, чтобы она была источником правдивой социальной информации о жизни общества. Разумеется, подлинная народность по Солженицыну означает верность действительности.

Однако, художественная система Солженицына, как полагает Голубков, приводя слова исследователя П. Спиваковского, предполагает теснейшую связь изображаемого с подлинной жизненной реальностью, в которой Солженицын стремится увидеть то, чего не замечают другие - действие Промысла в человеческом бытии. Согласно Голубкову

Этим, в первую очередь, обусловлено внимание писателя к подлинной жизненной достоверности и самоограничение в сфере художественного вымысла: сама реальность воспринимается как совершенное художественное творение, а задача художника состоит в выявлении сокрытых в ней символических значений, предопределенных Божьим замыслом о мире.

Именно постижение такой правды как высшего смысла, оправдывающего существование искусства, и утверждал всегда Солженицын (Голубков 1999:16-17).

У Толстого и у Солженицына сходные смыслы о нравственности. Толстой верил, что, возможно, создать царство небесное на земле через нравственную личную реформу. Солженицын также подчеркивает значение личной нравственности у человека. Эта тема связана с его мечтой о праведниках, о праведном месте на земле. Стоит также добавить, что творческий фанатизм, бескомпромиссность, ощущение своего особого предназначения, особого ниспосланного выше долга, своего мессианства наталкивает на мысль об особом типе творческой личности Солженицына - художника, пророка, подвижника сродни, между прочим, Толстому (Мешков 1993:99).

6.2. Солженицынский народный характер

Как уже было отмечено выше, второй аспект проблемы народности тесно связан и с проблемой народного характера. Следовательно в этой главе, а также будущих главах будем рассматривать, какова солженицынская трактовка понятия народного характера. Нас интересует, существует ли такое понятие как "солженицынский" русский народный характер? Как народный характер по Солженицыну создается и чем он отличается от других мыслителей? Говоря об этой теме, мы ссылаемся, в основном, на публицистику Солженицына, где он сосредоточивается на актуальных общественно-политических вопросах современности, в частности на текстах, "Как нам обустроить Россию" (1990) и "Россия в обвале" (1998). Кроме того, мы используем книгу о Солженицыне Жоржа Нивы. В дальнейших главах мы используем для анализа также художественные тексты Солженицына, в частности, "Один день Ивана Денисовича", "Матренин двор" и "Крохотки".

Подобно Достоевскому и славянофилу Данилевскому, Солженицын уверен, что русская культура уникальна. Иными словами, автор полагается на "настоящую русскость". Как и другие славянофилы, он считает, что она создается из таких элементов, как наслоения опыта народной истории, ей обычаев, традиции и мировосприятия. Таким образом, народные характеры, несомненно, существуют,

пишет Солженицын. Однако, с его точки зрения, они не остаются вечно постоянными и таким образом не устойчивы, как утверждает, в частности, Вышеславцев. С течением веков Россия испытала много перемен и этими событиями также формировался народный характер, считает Солженицын. (Солженицын 1998:166,168.) Таким образом, согласно ему "с течением веков, а когда и десятилетий он (народный характер - I К-V) меняется в зависимости от окружающей среды и питающего душу ландшафта, от происходящих с народом событий, от духа эпохи, особенно резкой в изломах" (там же:166). Тем не менее основные черты Солженицынского русского народного характера отличаются довольно мало от представлений других, особенно тех мыслителей, кого считают славянофилами. К тому же, полагает Солженицын, подобно, в частности Вышеславцеву, что, как судьба человека во многом определяется его характером и его личностью, - так и судьба народа. Следовательно, нашей задачей будет выяснить, какие черты русского народного характера по Солженицыну сохранились или даже укрепились, а какие черты испытали трансформацию или совсем исчезли.

6.3. Православие в формовке народного характера

Говоря о создании народного характера в России в прошлом, Солженицын как уже было выше отмечено, более всего имеет в виду крестьянский характер, который он считает, подобно Данилевскому, весьма перспективным. Как и мыслители в предыдущей главе, он также подчеркивает роль православной церкви в жизни русского человека, так как очень многие черты русского характера определились православием. Следовательно, с точки зрения Солженицына, православие - насущная база русского народного характера. Он использует слова Достоевского: "Все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из православия" (Солженицын 1998:161). Преимущественно вера являлась главной опорой русского характера и особенно важна была роль молитвы. Ссылаясь на мысли Л. Тихомирова, Солженицын отмечает, что: "Русский человек не способен обходиться без сердечного общения с Богом" (Солженицын 1998:162). К тому же он пишет, что: "Как трава нагибается от сильного ветра, а потом распрямляется без вреда для себя - так народ, если удавалось, переживал, переживал эти 'глубокие воздействия власти', не меняя веры и убеждений" (там же:165). Здесь, прежде всего,

речь идет о гибкости русского народа, но кроме этого качества умение адаптироваться к новым условиям, не меняя веры и убеждений, не менее важно. Ссылаясь на слова философа Л. Левитского, Солженицын еще добавляет, что: "Русский дух больше вдохновлялся идеей правды Божьей на Земле, нежели - получить внешнюю свободу" (там же:165). Вообще говоря, в этих цитатах концентрируется основа солженицынского понятия о духовности как мы увидим известно в дальнейшем анализе художественных текстов "Один день Ивана Денисовича" и "Матренин двор".

Солженицын подобно другим мыслителям, в частности Лосскому, подчеркивает неизбежность абсолютной правды Божьей в жизни русского народа. Свобода для Солженицына, как пишет З. А. Редькин в "Тверском солженицынском сборнике", не является самодовлеющей ценностью - она необходимо не как цель, а для какой-то высшей цели. Тем более Солженицын что считает, что человеку при рождении уже дается внутренняя свобода. (Редькин 1998:71.) При дальнейшем анализе художественных текстов Солженицына мы вернемся к этой теме. Хотя Солженицын подобно другим мыслителям, считает, что свобода личности насущно необходима, однако, его мнение отличается от других философов в том, что, по его словам, существует и высшее вдохновение для русских, чем свобода - именно правда Божия. Словом, Солженицын считает, что, формируя русский народный характер, религиозность со всеми ее оттенками была естественной частью жизни русского человека до большевиков.

Раньше, говорит Солженицын, в прошлых веках, русскому народу была свойственна непогоня за внешним успехом, в том числе, за богатством (Солженицын 1998:162). Иными словами, русские были довольны умеренным достатком. Со временем, однако, пишет Солженицын, русский народ стал в большей степени оценивать материальные вещи. Это Солженицын, как и многие другие, связывают с отходом русского народа от православия. Приводимые автором слова генерала Деникина говорят об этом факте: потеряв облик религиозный, христианский народ "попадал под утробные материальные интересы и в них начинал видеть смысл жизни" (там же:168).

Действительно, одна из традиций православного сознания, пишет М. Голубков в своей работе о Солженицыне, - это противопоставление духовного восхождения и материального успеха, которому, подобно вышеназванным славянофилам, следует и Солженицын. Голубков ссылается на солженицынские слова в "Темпелтоновской лекции": "Наша жизнь - не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста. Вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей - и с этой ступени надо сорваться, не надо протоптаться бесплодно" (Голубков 1999:33). Словом, очевидно Солженицын согласен другими мыслителями в том, что есть ценности, важнее материальных. Кроме духовности существует и другое средство для того, чтобы поднимать уровень общества - это самоограничение, пишет Солженицын (Солженицын 1991:35). Мысль об общественном самоограничении - не нова, как отмечает Ж. Нива. Например, ценимые Солженицыным старообрядцы были трудолюбивыми и неуступчивыми, готовые на жертвы, были склонными к самоограничению. (Нива 1984:211.) Следовательно, умножающееся и уплотняющееся человечество может дальше существовать только при обладании этим средством, так как, по его словам, никакие конституции, законы и голосование сами по себе не сбалансируют общество. Устойчивое общество может быть достигнуто только при сознательном самоограничении: на том, что люди всегда обязаны уступать нравственной справедливости. (Солженицын 1991:35.) Справедливости ради надо сказать, что и духовность и нравственная справедливость, столь важные для Солженицына, являются фундаментом здорового общества.

Солженицын справедливо отмечает, что при осуществлении большевистской политики православная церковь сильно пострадала. Арестом Патриарха, митрополитов, судов над ними и уничтожением православных священников в лагерях или их расстрелами осуществляли большевики свою политику. Весьма существенно, что роль религии сильно уменьшилась в русском обществе. Начиная с лет гражданской войны и все 20-е годы одновременно с тем большевики уничтожали или выселяли дворянство и русскую интеллигенцию. Вообще говоря, с точки зрения Солженицына, слово интеллигенции приобрело совершенно извращенный смысл в Советском Союзе. К ней стали относить всех, кто не работает руками (и боится работать руками). (<<http://www.coolsoch.ru>.>) Русское

национальное сознание, согласно Солженицыну, "было круто пригнетено, погашено [...], а по поверхности вовсе стерто и запрещено как явление контрреволюционное" (Солженицын 1998:136). Подобно другим мыслителям, он верит, что с помощью чужих ценностей нового режима русские были лишены национальной идентичности. Итак, большевики действовали именно так, как Илья Муромец в пророческой древней былине, в которой он совсем неожиданно разрушил все, что раньше сберегал, о чем писал Вышеславцев. Действительно, может быть, что русские сказки пророческие, но Солженицын отрицает, что у русских есть свойство предвидеть; хотя они много думают, но не умеют предвидеть (там же: 166). Это неумение предвидеть, с точки зрения Солженицына, имеет влияние на судьбу русского народа.

6.4. Проблема дихотомии русского народа

Солженицын, конечно, соглашается с общераспространенным мнением, что трагическая дилемма разветвления нации на две культурные группы началась с раскола церкви в XVII веке. И затем углубилась при Петре Первом. Со временем эти две группы удалялись все дальше друг от друга. Согласно Голубкову:

На протяжении двух столетий, предшествовавших 1917 году, дворянская культура становилась все более противопоставленной 'необразованной' крестьянской культуре, которую не затронул ни петровский век, ни век Просвещения, ни век XIX. Она существовала обособленно, не имея возможности знать, что происходит с культурой элитарной, дворянской. [---] В рамках одного языка, одного вероисповедания, одного народа развивались параллельными путями, не совпадая, почти не перекрещиваясь, две субкультуры, как бы не замечающие существование друг друга (Голубков 1999:88).

Но особенно Солженицын говорит о расколе русской нации в связи с революцией и созданием Советского Союза. Мнение Солженицына о том, что творилось в обществе за три четверти столетия под большевистской властью, конечно, не положительное. Официально советская пропаганда говорила о едином советском народе. В частности, "Литературная газета" 1972-ого года пишет, что на основе марксистско-ленинской идеологии, выражающей интересы и идеалы рабочего класса, в государстве шло сближение всех классов и социальных групп, воспитание моральных и политических качеств советского народа и происходило укрепление его социального единства (Яковлев 1972). Солженицын строго возражает против

этого факта; по его мнению, в России, на самом деле, не было единства. В статье советской газеты подчеркивается тот факт, что целью явится полное исчезновение классов вообще. По сути дела, этот принцип, как уже было отмечено выше - один из основных принципов коммунистической идеологии. Разумеется, это не было достигнуто в советское время, как декларировалось в официальных документах. По мнению Солженицына, при Советском Союзе существовал разделение среди русских, хотя уже не столько классовое. Он считает, что лучше говорить не о палачах и жертвах, а тех, кто за Сталина, и тех, кто против Сталина. Среди первой группы существует еще и своя иерархия: надзиратели, стукачи и "обыкновенные" люди. В эти группы включались все слои советского общества. Кроме того, были еще другие ясные разделения, например, на городских и сельских людей. По словам Солженицына все это, действительно, было разрушением русских душ. (Солженицын 1991:25.)

6.4.1. Солженицынская концепция истории России

В. Малинкович в своей статье в общественно-политическом журнале "Форум" описывает свое мнение о солженицынской, как он считает, особой концепции истории, сосредоточиваясь на дореволюционном времени. С точки зрения Солженицына, как пишет Малинкович, дореволюционная Россия была больна, но излечима. (Малинкович 1985:40). Жорж Нива пишет в своей книге о Солженицыне, ссылаясь на его мысли, что вытравление и подавление русского национального духа начались от бездушных реформ Никона и Петра (Жорж Нива 1984:212). Солженицын, который неоднократно подчеркивал важность духовности для России, полагает, что способом излечения, как пишет Малинкович, можно было использовать именно ее национальный дух и ее традиции, т.е. внутренние силы организма России (Малинкович 1985:40). Дела, однако, сложились иначе.

Малинкович излагает солженицынское мнение о причинах, которые довели страну до революции. Одной из причин является тот факт, что, хотя царь Николай II был по-христиански добр и неглуп он был слаб характером и поэтому подолгу не мог заниматься государственными делами. Что касается двора, то он вел политику, отвечающую не столько внутренним потребностям России, сколько интересам

соседних стран. (Малинкович 1985:40.) В то время большинство образованных людей было разделено на западников и славянофилов, которые, в свою очередь, защищали каждые - свои интересы. Недоверие царствовало между этими партиями. Либерали-западники помогали революционерам заменять ненавистное самодержавие западной альтернативой. Число таких либералов, по мнению Солженицына, пишет Малинкович, входила почти вся русская интеллигенция. А остальная часть интеллигенции основывала все проекты общественных переустройств на сохранении самодержавного монархического принципа и введении народного представительства, олицетворяющего соборную народную совесть. В конце концов, интеллигенция пошла за либералами-западниками, лозунг которых было «Долой самодержавие!» (там же:42-43.)

6.4.2. "Наши" и "чужие" по Солженицыну

Как известно, распространенным научным мнением является то, что национальная русская идентичность создается, в частности, на оппозиции "мы" и "другие", "наши" и "чужие". Говоря о Солженицыне, можно также использовать такие термины. Однако в его понятие о "наших" включаются разные социальные, этнические и национальные "чужие". Сейчас рассмотрим, каково представление Солженицына по этой теме и как он определяет "наших" и "чужих" и как это связано с проблемой национального характера.

У Солженицына действительно есть своя точка зрения на русскую историю, особенно на русскую революцию, так как он убежден, как пишет Малинкович, что все те, кто жил идеалами вне русской почвы, считаются чужими, и именно они повели за собой в революцию (Малинкович 1985:43). В этом смысле он не согласен с теми, кто считает революцию органичной для России или видит в большевиках проявление такой национальной черты, как максимализм. В частности, мыслитель Бердяев в "Русской идее" приписывает разрушительную ярость большевистского режима русской традиции максимализма. Он также убежден, что в Петре есть черты одного свойства с большевиками. А что касается Солженицына, то он развивает тезис об инородности революции (Нива 1984:212). Следует еще учитывать что, Солженицын часто подчеркивает тот факт, что причиной негативного состояния

России является, прежде всего, разрыв нации. Все эти вышеназванные факты, по словам самого Солженицына, "разгоняли и несли Россию в бездну". Таким образом, Малинковичем справедливо отмечено, что, по Солженицыну, разрыв нации на двор, общество, народ - старая болезнь России. Он пишет, что:

Давно уже смотрит русское образованное общество на Европу как на икону в красном углу. А своего пути для страны не ищет. А тех, кто искал - как Достоевский и славянофилы, - зачисляло общество в реакционеры и выталкивало из своей среды (Малинкович 1985:43).

Роль Запада в русской истории неоспорима. Кажется, что в целом считается "чужим", и как Солженицын пишет, и в коем случай не ведет к лучшему, а наоборот всегда к худшему. Таким образом, западники, согласно Солженицыну, не искали пути России. При западных интересах государства внутренние дела страдали. Первая мировая война, пишет Солженицын, считается также ориентацией на интересы западных государств. Разумеется, внутренние дела в России были игнорированы и таким образом к власти пришли, как В. Малинкович пишет в своей статье, самые "чужие" в России, по мнению Солженицына, - это большевики. (Малинкович 1985:43.)

Сейчас наша задача немного расширять, тему "наши" и "чужие". Хотя при дальнейшем разговоре о солженицынском народном характере речь не идет о евреях, тем не менее, тема "наши" и "чужие" освещается при помощи этого вопроса. Поэтому несколько слов о "большом для России" еврейском вопросе, так как Солженицын особенно остро и прямо обсуждает эту проблему. Эта тема, например, обсуждается досконально недавно опубликованной его двухчастной книге "Двести лет вместе", в которой Солженицын пытается подробно анализировать русско-еврейские взаимоотношения с 1795 по 1995 и искренно понять обе стороны. Другими источниками по этой теме является, в частности, работа Солженицына "Евреи в СССР и будущей России" опубликованная в 2000 году. Однако, так как наша тема не требует досконального исследования по еврейству, мы опираемся на более узкие источники.

Малинкович пишет о еврейском вопросе по Солженицыну. По его мнению, Солженицын, поддерживая идею гражданского равноправия евреев, относится с сочувствием к жертвам официального и неофициального антисемитизма. Разделение

для него, однако, полагает Малинкович, не между евреями и неевреями, а внутри русского еврейства. Короче говоря, Солженицын разделяет его на две категории: те, кто предан интересам России, любит ее и те, кто ненавидит русское прошлое и русские традиции, презирая страну, где приходится жить, стремясь разрушить устоявшиеся формы русской национальной жизни. Последняя группа, подчеркивает Малинкович, чаще всего презирает традиции и веру своего народа и молится западному идолу "прогресса". Для этой группы Солженицын имеет два разных варианта. Евреи, которые не любят Россию, должны или искать себе родину за пределами России, или остаться в России, но без вмешательства в ее дела. (Малинкович 1985:44-45).

Солженицынское разделение евреев на две категории можно и расширять: те, кто вообще искренно любят Россию, имеют право делать русскую историю, так как они считаются "своими", а этого права не имеют те, чьи идеалы вне русской почвы, и, без различия национальности, они считаются "чужими" (Малинкович 1985:44-45). Следовательно, русскость для Солженицына не обязательно то, что человек должен быть русским по крови. Для него не имеет особого значения тот факт, является человек евреем или православным. Значит, вопреки общепространенным мнениям, Солженицын считает, что русский может быть и не православным, так как важнее всего для Солженицына то, что он "свой". Здесь, кстати, подчеркивается патриотизм, который типичное качество, как для славянофилов, так и для Солженицына, о чем речь пойдет подробнее при дальнейшем разговоре о солженицынских "Крохотках".

6.5. Воздействие пути России на русский народ

Солженицын отметит в своем публицистическом произведении "Россия в обвале", что история России, тем или иным образом, кажется, повторяется. Он подчеркивает тот факт, что сначала был Иван Грозный, потом пришел во власть Петр Первый, кто топором ударил по русским корням, а также построил Петербург на костях и превратил в рабов литейных заводов русских крестьян, потом царствовала тирания Ленина и последний по счету, но не по важности из тиранических властителей - Сталин. Поэтому, не стоит забывать о прошлом, а надо учитывать его события, чтобы остановить злой-цикл, пишет Солженицын. Он приводит пример из Библии, отмечая, что "так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите и

расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему" (Солженицын 1998:28). Словом, Солженицын предлагает, что надо искать те пути России, которые считаются добрыми и идти по ним. И еще одно замечание в этой связи. Согласно Т. Лопухиной-Родзянко, Солженицын подчеркивает важность непрерывного исторического развития страны, а также важность сохранения традиций народа, которые государственная структура должна непременно учитывать (Лопухина-Родзянко 1974:13).

М. Голубков излагает в своей работе "Александр Солженицын" солженицынские мысли:

Периоды тирании находятся во внутренней связи между собой: их объединяет страшная жестокость, внешняя бессмысленность и мгновенное разделение нации на две группы: палачей и жертв [...] Периоды национального самоуничтожения сменяются периодами относительной стабилизации, когда народ как бы восстанавливает подобранные силы - для чего? Страшно подумать - не для новой ли опричнины (Голубков 1999:78)?

Недаром Солженицын опасается, что история повторяется. Говоря о будущей политической форме России, он четко отмечает, что она не прислушивается к опыту умных людей предыдущих поколений. Нельзя надеяться, что после нынешнего смутного времени наступит некое "спокойное", когда люди внимательно подумают, как устраивать будущее. Исторический процесс - непрерывен. (Солженицын 1991:29.) К этой теме мы еще вернемся в разговоре о солженицынских "Крохотках".

6.6. Духовность - необходимая черта русского народа в его поисках доброго пути для России

Как уже говорилось выше, как и у других мыслителей, солженицынское понятие о ценностях сосредоточивается на духовных качествах. Поэтому он неоднократно подчеркивает важность духовной жизни народа. Цитируя слова философа И. А. Ильина, он пишет: "Духовная жизнь народа важнее охвата его территории или даже хозяйственного богатства; выздоровлением благоденствие народа несравненно дороже всяких престижных внешних целей" (Солженицын 1998:7) . Например, эту мысль Солженицын развивает, касаясь вопроса об отношениях современной России с другими народами СНГ.

При СССР - при социалистической "дружбе народов"- коммунистическая власть совершила много дурного, - считает он. "Они запустили, запутали и замерзали взаимоотношения так, что возврат к прежним отношениям, т.е. к спокойному сожитию наций, пожалуй, невозможен и нет у нас сил на Империю. Поэтому пора четко выбирать между империей, которая губит, прежде всего, самых русских, и духовном и телесным спасением этого народа" (Солженицын 1998:4.) Однако следует отметить, сохранение империи возможно только ценой духовного спасения.

Вообще, когда речь идет о политической жизни, стоит отметить, - говорит Солженицын, что она не для всех. Она не является главным видом жизни для большинства. Солженицын пишет, что: "Чем размашистей идет в стране политическая жизнь - тем более утрачивается душевная" (Солженицын 1998:24). Здесь вновь подчеркивается проблема духовной жизни личности русского, которая так важна для Солженицына. Следовательно, политика ни в коем случае не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. В жизни человека важно, чтобы душа была освобождена для жизни ума и чувств. (там же:24.)

Разумеется, что какая-то определенная политическая форма постепенно будет принята в России, но, тем не менее, выбор ее социального строя является сложным вопросом. Итак, считает Солженицын, по полной политической неопытности страны эта форма будет скорей всего не сразу удачная и не сразу наиболее приспособленная к потребностям России. Солженицын неоднократно ссылается на слова Столыпина, который говорил, что "нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина: социальный порядок первичней и раньше всяких политических программ" (Солженицын 1998:25) Он еще добавляет, что без частной собственности не может быть независимого гражданина. 70 лет царила большевистская идеология и за это время, отмечает Солженицын, помимо всего народ научился бояться собственности и избегать "наемного труда как нечистой силы - это большая победа Идеологии над нашей человеческой сущностью" (там же:17). Таким образом, приходится искать путь России. Он предупреждает только в одном: во-первых, надо оказаться предусмотрительней людей семнадцатого года и ни в коем случае не повторить эти события и, во-вторых, не верить заманчивым лозунгам и, в-третьих, надо учитывать, что говорили умные люди до нас, а не просто

забывать о них. Солженицын считает, на самом деле, что Россия не ищет свой путь, а скорей хочет, подражать западному принципу. (там же:24.) Короче говоря, по солженицынской концепции основой здорового общества всегда является духовный уровень нации. Это определяет состояние государства. Сначала духовность, а потом все остальное. Еще одно замечание в этой связи. Способом, который он считает важнейшим, чтобы достигнуть такого состояния, является "чистота общественных отношений", духовный уровень жизни, а лишь потом - экономика.

Источник силы или бессилия общества - духовный уровень жизни, а уже потом уровень промышленности. [---] Чистота общественных отношений - основной, чем уровень изобилия. Если в нации иссякли духовные силы - никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасает ее от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит. Среди всех возможных способ - на первое место все равно выдет свобода бессовестности: ее-то не запретишь, не предусмотреть никаким законом. Чистая атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами (Солженицын 1991:24).

6.7. Некоторые другие черты, входящие в солженицынское понятие о русском народном характере

Как уже говорилось выше, в прежней России подавляющая часть народа, т.е. 90 процентов принадлежала к крестьянству и поэтому русские в основном имели крестьянский характер. Солженицын перечисляет несколько особенностей такого характера: сострадательность, готовность помогать другим, доверчивое смирение с судьбой, способность делиться своим насущным и т.п. Однако, пишет Солженицын, с уничтожением крестьянского класса у населения "отшибли также самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожай" и с тем самым резко изменились и традиции и обычаи народа. (Солженицын 1991:3.) Короче говоря, традиционный уклад крестьянского населения с умением трудиться был стерт. К тому же подобно Достоевскому, Солженицын считает, что, земля для человека имеет не только хозяйственный смысл, но и нравственный. Следовательно, согласно ему, "ослабление тяги к земле - большая опасность для народного характера. А ныне крестьянское чувство так забито и вытравлено в ней (России - I К-V), что, может быть, его уже не воскресить" (там же:15).

Подобно славянофилам, Солженицын подчеркивает важность семьи для благополучия страны. Известно, что семья являлась главной ценностью

крестьянского мира. Солженицын также согласен с этой точки зрения. Согласно ему, семья и сегодня - основное звено спасения в будущем (Солженицын 1991:30). Поэтому Солженицын расширяет понятие семьи до понятия крестьянской общины. Согласно Нива, он вдыхает новую жизнь в старинное начало ее. Хотя, разумеется, полный возврат уже не возможен, но раз "праведник, без которого, по пословице, не стоит село, вышел жив из всех испытаний русской деревни", какие-то нравственные основания, сохранились. (Нива 1984:215.) Вообще говоря, в произведениях Солженицына неоднократно идет речь о праведниках. И что включается в эти нравственные основания нам станет ясно немного позже.

Разумеется, уклад жизни, а также мировоззрение в провинции резко отличается от московских. Несмотря на это, Солженицын не противопоставляет городскую жизнь провинциальной жизни как, в частности, Хеллберг-Хирн. Отрицая город, Солженицын просто надеется на провинцию, так как он убежден, что только она, а не Москва может превратить страну в цветущую, так как там можно встретить еще подлинный народный характер. Следовательно, Солженицын называет город болезненным гигантом, в котором у людей нет нормальной жизни и где не сохранились нравственные основания. По его словам: "Ключ к жизнеспособности страны и к живости ее культуры - в том, чтоб освободить провинцию от давления столиц" (Солженицын 1991:19). У них провинциальные нравы и они, разумеется, ближе к земле. Между ними существует невидимое ущелье.

В предыдущей главе много было написано о противоречивости русского народного характера о двойственности русской природы, в частности, об этом говорили и Лосский и Лихачев. У Солженицына совпадающий взгляд на эту тему. По его мнению, всякий характер на земле противоречив. Солженицын полагает, что у русских не только есть особые, положительные черты характера, но и черты, которые опровергают первые. Он отмечает, по словам Чехова, "Природа вложила в русского человека необыкновенную способность верить, испытующий ум и дар мышления, но все это разбивается в прах о беспечность, лень и мечтательное легкомыслие" (Солженицын 1998:164). Он называет такие черты характера нечеткими и нетвердыми. Однако, подобно другим мыслителям, Солженицын

согласен в том, что у русских вообще есть свойство, которое можно назвать широтой характера. (см. "Handbook of Russian Literature" с. 423)

К тому же Солженицын полагает, как и другие мыслители, в частности Вышеславцев, что у русских вместо понимания реальности - грезы, так как они, по словам Вышеславцева, мечтают о молочных реках и кисельных берегах. Однако, что касается максимализма и экстремизма, о чем писал, среди прочих мыслитель Лосский, то у Солженицына, как уже было отмечено выше, своя точка зрения. Он не согласен с множественными утверждениями о том, что русскому характеру свойственны эти черты, а, наоборот уверен, что подавляющее большинство русских хотят только малого и скромного. (Солженицын 1998:163-164.) К тому же, Солженицын пишет, что главный порок у русских - это отсутствие равномерной методичности, настойчивости и внутренней дисциплины. Он, ссылаясь на мысли С. Маслов, говорит, что: "Труд русского человека лишен упругого равномерного напряжения: нет методичности и размеренности" (там же: 164).

Солженицынская трактовка русского народного характера формируется, подобно другим славянофилам, из таких элементов, как традиция, история, обычаи и мировосприятие русского народа. Однако, с его точки зрения, этот характер не остается вечно постоянным. Вообще говоря, народный характер играет немалую роль. Так как автор верит, что судьба, как человека, так и всего народа определяется его характером и личностью. Говоря о русском народном характере, он более всего имеет в виду крестьянский характер. В дореволюционной России Православная Церковь, будучи основной базой жизни людей, очевидно, формировала русский народный характер. Мир ценностей русского народа следовал прямо из православия. С ним также связана, столь важная не только для Солженицына, но и для других мыслителей, неизбежность правды Божьей в жизни русского народа. Однако, с солженицынской точки зрения, человеку уже при рождении дается внутренняя свобода и, сохраняя эту свободу, у человека есть способ жить по правде Божьей.

При новом советском режиме с уничтожением крестьянского класса изменились резко и традиции и обычаи русского народа. Откровенно говоря, Солженицын считает, что многое изменилось к худшему. Тогда произошло и столь опасное,

согласно Солженицыну, ослабление тяги к земле. Это все, как известно, связано с трансформацией понятия нравственности русского народа. И, кроме того, люди стали отходить от православия и таким образом свойственное русскому народу качество - непогоня за внешним успехом - испытало отрицательную трансформацию и не только с точки зрения Солженицына. Русские начали видеть смысл жизни в более материальных интересах. Короче говоря, на место подлинной русскости пришли новые, согласно Солженицыну, чужие ценности. Что это все обозначает на практике нам будет известно при дальнейшем анализе солженицынских художественных текстов "Один день Ивана Денисовича", "Матренин двор и "Крохотки".

Возражая против материальных ценностей, Солженицын, подобно другим мыслителям, подчеркивает важность духовного роста в жизни человека. С этой темой связана и проблема будущего социального строя России. На страницах Солженицына не однократно утверждается, что единственным добрым путем для России является тот путь, который создается не из материальных качеств. Основой для правильного общества является русская духовная почва и лишь с помощью русской традиции и социального порядка можно создать его. Кроме того, Солженицын говорит о важности самоограничения, нравственной справедливости и чистоте общественных отношений.

Солженицын согласен с тем, что дореволюционная Россия была больна, но излечима. Он уверен, что способом лечения могли бы стать национальный дух и традиции России. Значит, он убежден, что в "наших" было достаточно силы воли, чтобы тогда поднять уровень общества. Каково его мнение сейчас станет нам ясно немного позже. Еще одно замечание в связи с этим. У Солженицына, как и у многих других мыслителей, национальная русская идентичность создается изразделения на "наших" и "чужих". Однако для него границей между этими группами является не разная религия, социальность или этнический состав, а преданность к интересам России, "нашими" презрение к русской традиции и предпочтение западного идола прогресса "чужие". Здесь подчеркивается свойственная славянофилам черта, патриотизм Солженицына. К тому же у Солженицына своя точка зрения на русскую революцию, на ее инородность: он считает, что именно "чужие" повели за собой в

революцию и, таким образом, он не согласен с теми, кто считает революцию органичной для России или видит в большевиках проявление такой национальной черты, как максимализм.

Солженицын не раз и не два подчеркивает отрицательное влияние революции на Россию, считая ее одним из самых изломанных моментов русской истории (особенно если говорим о расколе русской нации). Как уже было сказано, следствием этого, среди прочего, было растущее расслоение русского народа, корни, которые возникли еще до Петра I-ого. В советское время в России существовало неклассовое разделение русского народа. В эти группы включались все слои советского общества. Это, с точки зрения Солженицына, было разрушением русских душ. Что касается большевистской власти в целом, неоспоримо для него, что это было полным уходом с доброго для России, пути.

7. Рассказ "Один день Ивана Денисовича"

В предыдущей главе выяснилось, что есть такое понятие как солженицынский народный характер. На основе этого в следующих разделах будем анализировать художественные тексты Солженицына "Один день Ивана Денисовича" и "Матренин двор". Однако в настоящей работе целью является не анализ рассказов, а рассмотрение солженицынского народного характера через образы Ивана Денисовича Шухова и Матрены Васильевны Григорьевной.

7.1. История создания и публикации "Один день Ивана Денисовича"

Свой литературный путь Александр Солженицын начал с рассказа "Один день Ивана Денисовича". Сюжет рассказа, который не является вымышленным, был задуман зимой в 1950-51 годах на общих работах в Экибастузском Особлагере. Рассказ написан в 1959 и назывался сначала "Щ-854" (Один день одного зэка), и был более острый политически. В смягченном варианте был отдан в 1961 г. в журнал "Новый мир". После длительных усилий А. Твардовского рассказ, по личному указанию Н. С. Хрущева, был напечатан в журнале (1962, No 11). Это было одним из крупнейших поворотных событий в русской литературе XX века. С этого рассказа ведет свое происхождение русская лагерная литература. Затем рассказ был опубликован в издательстве "Советский писатель" (100 тысяч экземпляров) и в "Роман газете" (700 тысяч экземпляров). Все эти издания в 1971-1972 уничтожались в библиотеках по тайной инструкции. Первое вполне неискаженное издание осуществлено в Париже 1973-ом году. (Солженицын 1991:285.)

Солженицын писал, что в малой форме можно очень много поместить, и что для художника большое наслаждение работать над ней. "Один день Ивана Денисовича" относится к жанру рассказа. Жанровое обозначение "повесть" появилось по предложению Твардовского, который хотел придать рассказу больше веса. Солженицын задумал описать весь лагерный мир через один день, "достаточно описать только один день одного среднего, ничем не примечательного человека с утра до вечера. И будет все" (<<http://sputnik.mto.ru/Seans/Methodical.teaching.mat/churav111/index.htm>>).

Следовательно, он здесь реализировал принцип по выражению Герасименко

(1998:239): "Сплошного густого изложения событий в сжатые отрезки времени, причем, событий бытовых, каждодневных". Следовательно, бытовая подробность - это главное средство изображения в рассказе. К тому же и образ героя, Ивана Денисовича Шухова, создан с помощью этих бытовых подробностей. Весьма существенно то, что, как отмечает Нянковский, хотя рассказ создан этими подробностями, для ээка они насущные, так как от каждой мелочи зависит его жизнь. К тому же не нужно забывать о том, что понятие "день" имеет также символическое значение. "День" здесь имеет связь понятиями "срок" и "жизнь". (Нянковский 2001:371- 372.) Мы вернемся к этой теме коротко в конце главы.

В своих опубликованных рассказах первой половины 60-х годов Солженицын предлагает новую концепцию личности. Рассказ возобновил как раз высокую традицию русской классики (Паламачурк 1991:15). К тому же на смену безличной массы пришла самоценная личность героя. Одновременно с образом Ивана Денисовича в литературу как бы пришла и новая этика, выкованная не только опытом лагерной жизни, но и знанием народного характера. Личность Шухова такова, потому что обстоятельства сталинского режима выявили качества, которые не могли проследить в русских крестьянах писатели XIX века. Они нередко рассматривали русских крестьян коллективно, как целую группу одинаковых людей, т.е. народ. (Нянковский 2001:370.) У Солженицына другой исторический опыт - опыт советских колхозов.

Герой рассказа Иван Денисович Шухов - "простой человек". В рассказе мы узнаем как говорит, думает и действует простой русский крестьянин Иван Денисович. Следовательно, лагерь описывается глазами необразованного мужика. (Лопухина-Родзянко 1974:50). Шухов - носитель крестьянского характера. Он даже и в зоне с удовольствием работает на строительстве. Здесь подчеркивается убежденность Солженицына о том, что человек должен заниматься своим делом, которое знает и любит, - "не благодаря, не вопреки, а вне зависимости" (Вайль, Генис 1998: 248). К тому же Шухов - самобытная личность. У него собственный язык; он употребляет диалектные слова и лагерный жаргон. Неутрата языка для Шухова - один из способов сохранить человеческую личность. По сути дела, Солженицын считает, что нейтрализация языка ведет к утрате индивидуальности. Поэтому во многом с этим

связано и его стремление сделать язык более выразительным, используя его внутренние ресурсы. (Нянковский 2001:375.)

7.2. Иван Денисович в системе образов

Чтобы лучше изображать ступеньки лагерной иерархии мы вернемся назад к ее истокам. Нам известен тот факт, что в России долго не было единого общества. Как уже было сказано, Солженицын согласен с общераспространенным мнением, что началом этой трагической дилеммы, т.е. отсутствия единства, считается раскол церкви в XVII веке. С этого раскола ведет свое происхождение, по мнению Солженицына, то при усилившиеся советской власти разделение русских, которое он назовет разрушением русских душ. Подобное разделение явно видно и в этом рассказе, так как все подразделения советского общества существуют и в концлагере: от надзирателей до "обыкновенных людей" и стукачей. В зоне место "обыкновенных людей" занимают зэки. Таким образом, в рассказе в исправительно-трудовом лагере выделяются две главные группы: надзиратели и зэки. Однако и среди зэков есть свои ступеньки иерархии: от бригадиров до придурков, стукачей и шакалов. К тому же, согласно Нянковскому (2001:372), герои рассказа различаются и отношением к неволе: от так называемых, бунтовщиков до идейных. Следовательно, в этой главе будем рассматривать, каково место Ивана Денисовича в лагерной иерархии по сопоставлению с его сокамерниками, (в том числе Цезарем Марковичем, Фетюковым, Алешей, Буйновским, Дэрем и Пантелеевым) и что делает его главным героем рассказа.

Образованный Цезарь Маркович получил освобождение от общих работ: он работает придурком в конторе. Придурки - лагерные аристократы и таким образом по лагерной иерархии он находится выше Шухова. Цезарь богатый и два раза в месяц получает посылки. Он носит новую меховую шапку, так как кого-то "подмазал", а с других заключенных даже обтрепанные фронтовые шапки подсирали и дали лагерные, свинячьего меха. Разумеется, Цезарь старается облегчить свою участь в зоне. Однако по мысли Нянковского, авторское осуждение вызывает не это, а отношение Цезаря к людям. Он как должное принимает одолжения Шухова. Шухов, в том числе, ходит в столовую за пайкой Цезаря и занимает очередь за его посылкой. Цезарь иногда угощает его куревом, пайкой и колбасой. Короче говоря,

Иван Денисович интересуется Цезаря тогда, когда ему что-то надо. Бывают и случаи, когда Цезарь совсем его не замечает. Например, когда Цезарь спорит об искусстве с кавторангом, Шухов с трудом достает для него миску с кашей и терпеливо ждет, чтобы на него обратили внимание: "Постоял Шухов ровно, сколько прилично было постоять, отдав кашу. Он ждал, не угостит ли его Цезарь покурить. Но Цезарь совсем о нем не помнил, что он тут, за спиной" (Солженицын 1970:65). Шухов тихо ждет столько, по его мнению, можно стоять, потом он выходит. Короче говоря, Шухов нищенствовать не будет. Его не заметили, хотя он стоял "тут, за спиной". Здесь можно сделать вывод, что (так как Цезарь не заметил Шухова) в нем нет ничего броского, ни в его поведении, ни во внешности. Вообще говоря, Иван Денисович - простой человек, так называемый человек середины, в котором автор, во-первых, постоянно подчеркивает нормальность, а во-вторых, акцентирует неброскость поведения. (Нянковский 2001: 373).

Еще одно важное замечание в этой связи. Цезарь - московский интеллигент, а Иван Денисович - "простой человек". Их можно противопоставить и употребляя более острые слова. Согласно Нива, Цезарь Маркович - заблудившийся интеллигент, который противопоставит мужику, Ивану Денисовичу, неутомимому труженику, "залежному" христианину, которому удалось сохранить внутренний свет (Нива 1984:204). Как отмечалось выше, на рубеже XX века в России дворянская культура становилась все более противопоставленной крестьянской культуре. Как пишет Бирюков и Сергеев, народ считался носителем высшей истины и мудрости, недоступных представителям образованных, как тогда выражались, классов, несмотря на всю утонченность их культуры и широту познаний (Бирюков, Сергеев 1997:65).

Это напоминает нам статью Л. Н. Толстого "Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят". Прекрасным примером подобного отношения служит Шухов, "простой человек" из народа, у которого может поучиться и такой образованный человек, как Цезарь Маркович.

Когда мы сопоставляем биографию Шухова - человека середины - с Фетюковым, опять бросается в глаза нормальность героя. Фетюков работал начальником и имел привилегии, а у Ивана Денисовича - обычная жизнь простого человека того времени

без всяких привилегии. Таким образом, они оказываются на совершенно разных ступеньках иерархии не только на воле, но и в зоне. Что касается лагерной иерархии, то Шухов знает, какая разница между ними, так как "снаружи бригада вся в одних черных бушлатах и в номерах одинаковых, а внутри шибко неравно - ступеньками идет, Буйновского не посадишь с миской сидеть, а и Шухов не всякую работу возьмет, есть пониже" (Солженицын 1970:14). Короче говоря, Фетюков - шакал, который всегда мастак шакалить. Жак Росси (Jacques Rossi) в своем "Справочнике по ГУЛагу" определяет слово "шакал" следующим образом: шакал - "мелкий лагерный вор, готов и убить, действуя вместе с другими, и тут же готов их продать" (1987:452). Значит, во-первых, Фетюков ворует. Шухов знает, что "с Фетюкова станет, что он, миску стережа, из нее картошку выловил" (Солженицын 1970:14). Во-вторых, он готов идти до крайности за счет других и, в-третьих, Фетюков - человек без всякого понимания нравственности. "Цезарь Маркович! - не выдержав, прослунявил Фетюков. - Да-а-йте разок потянуть! И лицо его передергивалось от жадности и желания" (там же:25). Не упуская одной возможности, Фетюков готов всегда шакалить. Чтобы получить остатки сигареты, он готов сделать все, что угодно, даже унижаться. У Ивана Денисовича, в свою очередь, есть явная нравственная граница, которую он не пересекает. Он себя унижать ни будет не в коем случае:

У Шухова ни табачники не осталось, и не предвидел он сегодня прежде вечера раздобыть - он весь напрягся в ожидании, и желанней ему сейчас был этот хвостик сигареты, чем, кажется, воля сама, - но он бы себя не уронил и так, как Фетюков, в рот бы не смотрел (там же:25).

Шухов считает поведение Фетюкова неприемлемым. Он знает, что он сам себя так ставить не будет, так как у него естествен, здоровое понимание границ между нормальным и унижительным поведением. Здесь опять подчеркивается тот факт, что Шухов - человек середины.

Говоря об идейных в зоне, в глаза бросается баптист Алеша. Он не врет и "по его голосу и по глазам его видать, что радый он в тюрьме сидеть [---] над ним не командует только кто не хочет" (Солженицын 1970:103). Тихий Алеша имеет уступчивый характер. Сопоставляя Шухова с ним, мы видим, что Алеша впадает в крайности, а Шухов оказывается посередине. Алеша не врет и, по сути дело, врет ни Иван Денисович. Тем не менее, Шухов расчетливый. Он человек с народной

мудростью. Следовательно, он не совершит зло против кого-либо лично, но воспользуется иногда удобным случаем. Шухов обманом добывает у повара две лишние миски для бригады и надеется, чтобы Павло предложил бы ему вторую кашу:

Шухов [---]обе миски потянул и вроде не для повара, а для Павла, повторил не очень громко: Четырнадцать. [---] Четырнадцать, - пожал плечами Павло. Он-то бы сам не стал миски косить, ему, как помбригадиру, авторитет надо держать, ну а тут повторил за Шуховым, на него же и свалить можно (там же:58).

Как уже было отмечено выше русским вообще свойственно стремление к свободе. О том свидетельствуют и бунты Разина и Пугачева в прошлом. В рассказе Буйновский пытается бунтовать: "Буйновский - в горло, на миноносцах своих привык, а в лагере трех месяцев нет: Вы права не имеете людей на морозе раздевать! Вы девятую статью уголовного кодекса не знаете!.. Имеют. Знают. Это ты, брат, еще не знаешь" (Солженицын 1970:28). Иван Денисович не бунтует, он не борец с системой, потому что он знает, что так действовать не стоит. Тем не менее, характер у него таков, что, хотя Шухов не бунтует непосредственно, он все-таки не подчиняется обстоятельствам. В предыдущей главе уже было отмечена важнейшая тема для Солженицына, - проблема добра и зла. Она связана с Иваном Денисовичем таким образом, что он все-таки своего рода борец - борец за доброту. Значит борьба у него - внутренняя. Солженицынская точка зрения, как уже нам известно, такова, что раньше у людей были общие моральные принципы о том, что признавалось добром, что - злом. Значит, Ивана Денисовича можно назвать и борцом со старыми моральными принципами. Вообще говоря, солженицынский лагерь - это не просто реальный лагерь, а символ воплощения зла и насилия (<[http:// www.coolsoch.ru](http://www.coolsoch.ru)>). Мы уже знаем, что Шухов не подчиняется обстоятельствам, а действует так, чтобы не участвовать в творимом над людьми зле и насилии, в отличие, например от Дэра, который хоть и зэк но "сволочь хорошая, своего брата-зэка хуже собак гоняет. [---] горбить не требует, пайка высокая, живет в кабине отдельной - чего еще? Так залупается, ум выставляет" (Солженицын 1970:36,79). Пантелеев также служит примером человека, кто совершает злодейство, так как он стукачит. Короче говоря, у Дэра и Пантелеева моральные принципы совершенно другие, чем у Ивана Денисовича, у которого сохранилось понимание границы между добром и злом.

Вообще говоря, в авторских характеристиках сильно выражен нравственный аспект образов рассказа и поэтому, рассказывая о лагере и лагерниках, Солженицын пишет не о том, как там страдали, а о том, как и кому удавалось выжить, сохранив свое человеческое достоинство (<http://sputnik.mto.ru/Seans/Methodical.teaching.mat/churav111/index.htm>).

Еще одно замечание в этой связи. Почему Солженицын выбрал героем рассказа именно Шухова, простого мужика? Мы уже установили много фактов, которые отделяют его от других образов рассказа. Однако, как уже было сказано, в нем подчеркивается то, что все в рассказе увидено глазами мужика, глазами Ивана Денисовича. Если бы рассказчиком был бы Буйновский или Цезарь, то описание лагеря было бы другим. Лагерь - это особый мир со своим 'пейзажем', своими реалиями: зона, фонари, вышки, вертухай на вышках, бараки, воронка и т.д. и т.п.

Солженицын воссоздает подробности лагерного быта: что и как зэки едят, что курят, где достают курево, как спят, во что одеваются и обуваются, где работают, как говорят между собой и как с начальством, что думают о воле, чего сильнее боятся и на что надеются. Автор пишет так, что мы узнаем жизнь зэка не со стороны, а изнутри, от 'него' (<http://sputnik.mto.ru/Seans/Methodical.teaching.mat/churav111/index.htm>).

7.3. Способность "обустроиться"

При анализе рассказа нам неоднократно бросается в глаза тот факт, что Иван Денисович обладает способностью обустроиться. Это помогает ему жить в любых условиях, даже в совершенно не свободных, т.е. в тоталитарных условиях, в которых, как мы уже знаем, даже солагерники, унижаясь, готовы на что угодно, даже на звериные поступки. Другими словами чтобы даже во враждебных лагерных условиях остаться человеком, именно способность обустроиться играет огромную роль. Из-за сталинского режима Иван Денисович обладает этим качеством, которое включается в солженицынскую трактовку русского народного характера.

Итак, сначала Шухов много думал о воле, считая, сколько дней еще осталось прожить в лагере. Потом это надоело ему. Шухов понял, что домой его ни коем случае не пустят, а в ссылку, и вообще-то "здешняя жизнь трепала его от подъема и

до отбоя, не оставляя праздных воспоминаний" (Солженицын 1970:82). Следовательно, жизнь в зоне - сейчас его реальная жизнь. Словами Мешкова:

Годы заключений, беззакония, бесправия, унижения выбили Шухова из колеи человеческого существования. Он не видит возможности, не питает надежды вернуться в нее, т.е. вернуться к нормальному человеческому существованию [---] В нем убит человек. В нем, чтобы выжить, остался лишь зэк (Мешков 1993:40).

По мнению, З. Редькина, например это "не правда, что 'в нем убит человек', что 'в нем, чтобы выжить, остался один зэк'[---] Выбить из него душу не смог никакой звериный режим" (1998:72). Несмотря на антигуманные условия, у Шухова сохраняется удивительная цельность и сила характера (<<http://www.coolsoch.ru>>).

Когда Цезарь получает посылку, Шухов не говорит:

Ну получил? - потому, что это был бы намек, что он очередь занимал и теперь имеет право на долю. Он и так знал, что имеет. Но он не был шакал даже после восьми лет общих работ - и чем дальше, тем крепче утверждался. Однако глазам своим он приказать не мог. Его глаза, ястребиные глаза лагерника, обежали проскользнули в миг по разложенной на койке и на тумбочке цезаревой посылке (Солженицын 1970:92).

Шухов замечает все, досконально знает лагерную жизнь и умеет воспользоваться этим знанием. Ему свойственна, как мы уже говорили, такое насущное качество, как народная мудрость. Такой подход к жизни для него естествен и поэтому Шухов мысленно жалеет Фетюкова: "Пошел по бараку Фетюков, всхлипывая. Сгорбился, у губы кровь размазана. Опять, значит, побили его там за миски. [---] Разобраться, так жаль его. Срока ему не дожить. Не умеет он себя поставить" (Солженицын 1970:95). Шухов по-настоящему сострадательн. Это, по Солженицыну, свойственно человеку обладающему народным характером.

У Шухова естественнее здоровое представление о людях, с которыми он работает. Он не ошибается в них. Тем же природным умом Шухов осознает несправедливость, происходящую с ним и его сокамерниками. Думая о страданиях людей в лагере и о тех малодушных людях, которые из трусости и жадности помогают поработителям, закабалая честных людей, Шухов понимает, что главный враг для арестанта – другой арестант, так как "сбереженье их – на чужой крови" (Солженицын 1970:7). Зачет жизни невинных людей он жизнь спасать или даже облегчать не будет, а наоборот.

Шухов все свои силы кладет на облечение тягот товарищей по несчастью – это является главным двигателем его поведения.

Иван Денисович умеет радоваться и маленьким достижениям. Как только он чувствует хоть кратковременное облечение в своей жизни, Шухов уже забывает зло, причиненное ему. Он думает не о том, что с ним произошло, а том, что не произошло. Он благодарен, что еще один день прошел, и, в конце концов, это был хороший день для Шухова, потому что жить еще можно. Его не "посадили", не "выгнали", и он не "попался". Так как, "пока в бараке живешь – молись от радости и не попадайся" (Солженицын 1970:98). Шухов умеет по-детски забывать зло и благодарно принимать маленькие радости даже в бесчеловечных условиях.

Шухов запоминает слова своего бывшего бригадира Кузьмина: "Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь выживают. В лагере вот кто поддыхает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать" (Солженицын 1970:6-7). Стукачи – то выживут – этот смысл понятен для Шухова. Тем не менее, он согласен с Кузьминым, потому что здесь речь идет не о физической, а о нравственной гибели. Для Шухова главное не в том, чтобы стать свободным или выжить в бесчеловечных условиях, а в том, чтобы даже в такой среде не потерять человеческого достоинства. (Нянковский 2001:374.) Чисто народная практичность Ивана Денисовича помогает ему не просто выжить, а остаться человеком и в таких условиях

Итак, не унижаясь и не участвуя в творимом зле, Шухов сохраняет свою душевную стройность и совесть, т.е. можно сказать, самого себя. Единственные, кто сохраняет эти сокровища в концлагере - это стойкие люди - праведники (Лопухина-Родзянко 1974:34). Такое поведение, такая стабильность нравственных привычек оказывается и внутренней, природной устойчивостью героя. Такая устойчивость устанавливает меру человеческого достоинства как внутренней свободы в условиях максимального внешнего отсутствия ее. Лопухина-Родзянко отметила, что: "Если человек нашел такую точку зрения в своей жизни, которая по природе добра и справедлива, и твердо придерживается ее - он уже этим одним праведен и велик среди несознательных миллионов, в роде сем" (1974:22). И почти единственным средством, помогающим реализовать эту свободу, и таким образом, позволяющим человеку

выжить, оказывается работа, труд, так как в его работе - противостояние лагерю (<<http://www.coolsoch.ru>>). Следовательно, в рассказе смыкаются две большие темы русской классической литературы: искание свободы, а также святость народного труда. (Вознесенская 1999:24).

Время в лагере, расписанное режимом по минутам, не принадлежит человеку. В лагере все от солнца ("...и солнце иним декретам подчиняется") (Солженицын 1970:51) до дум зэка несвободно. Шухов размышляет:

Дума арестантская - и та несвободная, все к тому ж возвращается, все снова ворошит: не нащупают ли пайку в матрасе? в санчасти освободят ли вечером? посадят капитана или не посадят? и как Цезарь на руки раздобыл свое белье теплое? Наверно, подмазал в каптерке личных вещей, откуда ж (Солженицын 1970:31-32)?

Поэтому весьма важным является для Шухова время до развода, так как он считает это время своим, а не казенным. Также время еды - святое дело. Шухов всегда ест не спеша. Он с удовольствием ест свою баланду, думая: "Хор-рошо! Вот он, миг короткий, для которого и живет зэк!" (там же:111) "Не считая сна, лагерник живет для себя только утром десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином" (там же:15). К тому же и время после пересчета считается не казенным. Только в эти короткие моменты зэк становится свободным человеком.

Словом, Иван Денисович как будто прошел курс обустройства. Он помогает построить "их" систему, т.е. советскую власть, но в то же время строит и свою тюрьму. В системе, не только в зоне, но и на воле у всех нет свободы так или иначе, так как внутри системы отсутствует идеологическая свобода. Как мы уже раньше говорили в связи с формовкой солженицынского народного характера, человеку при рождении дается внутренняя свобода. По мнению Солженицына, она нужна для того, чтобы человек мог жить по правде Божьей. Нам известен тот факт, что Иван Денисович внутренне свободен и живет по вышеназванным принципам. Что касается его понимания нравственности, то он носитель народной нравственности, которая не имеет никакой связи с "их" властью. Короче говоря, Иван Денисович живет по своим правилам, которые, пользуясь выражением Нянковского, для автора являются мерилем всех ценностей (Нянковский 2001:373). Шухов такой человек, что даже бригадир ему говорит: "Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма

плакать будет" (Солженицын 1970:82)! Следовательно, он имеет праведнические свойства. Мы вернемся к этой теме еще при дальнейшем разговоре о "Матренином дворе"

7.4. Значение труда для Шухова

Вначале главы уже было сказано, что Шухов с удовольствием трудится, несмотря на его местонахождение. При Советской власти профессиональный труд не был свободен от идеологических обертонов. Таким образом, Иван Денисович, в принципе, строит советские дома, т.е. не идеологически свободные, для "их" власти, но на практике он, на самом деле, трудится самоотверженно, и его профессиональная работа не имеет никаких идеологических обертонов. (Вайл, Генис 1998:248.) Что касается идеологии, то Шухов внутренне не ее арестант.

Вообще говоря, у Шухова крестьянская привычка к труду. Имея золотые руки, Шухов работает, не спустя рукава. Он "устроен [...] по – дурацкому, и никак его отучить не могут: всякую вещь и труд всякий жалеет он, чтоб зря не гинули" (Солженицын 1970:67). Тем не менее, хотя он обычно старательно трудится, результат его работы, однако, зависит от того, на кого он работает, так как лагерь не сочетается с любой разумной работой (<<http://www.coolsoch.ru>>). Шухов считает, что: "Работа - она как палка, конца в ней два: для людей делаешь - качество дай, для дурака делаешь - дай показуху. А иначе б давно все подошли, дело известное" (Солженицын 1970:13). К тому же, работа превращает казенное время в свое. Поэтому "Шухов никогда не просыпал подъема, всегда вставал по нему – до развода было часа полтора времени своего, не казенного, и кто знает, лагерную жизнь, всегда может подработать" (там же:6). У Шухова также есть вера в свои руки, и он верит в то, что всегда найдет себе верную работу. Он согласен со стариками в том, что "за что ни доплатишь, того не доносишь" (там же:29). Работая на постройке стены вместе с бригадиром, Шухов говорит: "Иди бригадир! Иди, ты там нужней - (Зовет Шухов его Андрей Прокофьевичем, но сейчас работой своей он сравнялся. Не то чтоб думал так: 'Вот я сравнялся', а просто чувствует, что так)" (там же:83)! Так что, из-за своих золотых рук он искренно испытывает перемену иерархии, так как он уже не просто зэк, а становится равным с бригадиром. К тому же Шухов знает: "Кто

работу крепко тянет, тот над соседями тоже вроде бригадира становится" (там же:75-76).

Шухов практичен. И этот практичный подход распространяется на многие уровни его жизни. Ему не важно, разбирается ли человек в политике или какую веру он исповедует. Нет, он считает, что многое зависит от труда. Поскольку труд близок сердцу Шухова, он оценивает людей по тому, как они работают. Он замечает, какой подход к жизни у баптиста Алеши – он живет на паек, не занимается подрабатыванием на пропитание – только опытным образом прячет свою заветную книжку, "Евангелие". Но прежде всего Алеша один из самых лучших работников, так как он безропотно соглашается на все работы, не жалея себя. К тому же он готов помочь всем. Единственное, что Шухов не замечает: он и сам такой же, безотказный, например, в помощи другим, как Алеша. Он и быстро подает Цезарю руку помощи, чтобы прятать посылку во время проверки, жалея его: "Не понимает в жизни ничуть: посылку получив, не гужеваться надо было над ней, а до проверки тащить скорей в камеру хранения" (Солженицын 1970:103-104). Шухов человек "от мира сего и не хочет довольствоваться сознанием своей праведности (<<http://www.coolsoch.ru>>).

7.5. Вера в жизни Ивана Денисовича

Хотя лагерь на каждом шагу угнетает человека и делает бессмысленным любое человеческое действие, Шухов этому в лагере не обучился. В нем сохраняется народный дух трудолюбия. В работе Шухова – противостояние лагерю, так как, откровенно говоря, условие выживания – сопротивление лагерному порядку. Как известно, Шухов стремится не просто к физическому выживанию, а к выживанию духовному через все искушения лагеря. Он не один, с ним в этой борьбе побеждают, в частности, баптист Алеша и Бригадир Тюрин. Тем, что Иван Денисович и, отчасти, вся бригада Тюрина работают на совесть, умело и скоро, они сопротивляются несвободе лагеря. (<<http://www.coolsoch.ru>>)

К тому же, труд спасает от болезней. "Теперь, когда Шухову дали работу, вроде и ломать перестало" (Солженицын 1970:10). Он так трудится над стеной, что забывает

о санчасти, куда планировал пойти вечером. "Вот диво-то, совсем про санчасть забыл за работой" (там же:75). Работа так важна для Шухова, что он готов пойти вплоть до того, чтобы получить десять суток карцера. Случайно он приносит в зону "ножевку". Зная, что за нее он может получить десять суток в карцере, тем не менее он думает, что "сапожный ножичек был заработок, был хлеб". Однако "тут же он остро, возносившись помолился про себя: Господи! Спаси! Не дай мне карцера "(там же:79)! В трудную минуту Шухов готов обратиться к Богу, который служит ему опорой как и крестьянам раньше. У Ивана Денисовича есть еще вера в Бога. Разумеется, вопреки обстоятельствам советского общества, Шухов однако не потерял способность верить, а религия и молитва для него все еще более или менее естественны, однако он не находит утешения в Боге, как Алеша. Нам уже известен тот факт, что при Советской власти религия испытала немалую перемену, так как она со своими оттенками стала в обществе неприемлемой и поэтому ее хотели искоренять. Раньше же православие значило много для крестьян и было естественной частью крестьянского уклада. Как уже было сказано, Солженицын убежден в важной роли православия с формированием русского народного характера. Он считает, что самым важным для русских раньше был достойный духовный рост, и что православие вводило людей от земных ценностей. Так и есть в случае Ивана Денисовича. Хотя религия играет небольшую роль в жизни Шухова, его ценности не столько материальные, сколько духовные. К тому же ему свойственно и связанное с религией самоограничение.

Вера Ивана Денисовича - внутренняя вера. Заметив как молодой украинец крестится, Шухов думает про себе, что: "... русские - и какой рукой креститься, забыли" (Солженицын 1970:14). Не нужно забывать о том, что из-за Советской власти он, вероятно, подобно многим другим, забыл просто-напросто, как исповедовать религию, в том числе и как креститься. Говоря о жизни с баптистом Алешей, который живет для своей веры, читает Евангелие в слух, Шухов отмечает, что "В Бога я охотно верю. Только не верю я в рай и ад. Зачем вы нас за дурачков считаете, рай, и ад нам сулите. Вот что мне не нравится" (там же:103). Этот разговор - не спор о вере в Бога, а разговор об образе жизни на земле. Баптист Алеша проповедует духовную жизнь с полным отрицанием материального, а Иван Денисович, в свою очередь, переводит слова о духовном на язык земной, так как

ищет справедливости на земле. Склад ума и сознание справедливости не дают ему воспринять тюрьму, как благо. Однако, высотой души своей Шухов близок к Алеше. (Лопухина-Родзянко 1974:55.) Тем не менее, вера Шухова более светская, чем духовная, он ведь человек "от мира сего".

В конце главы еще несколько слов о понятии "день". Проблема, которая имеет связь с народным характером - это поставленная Солженицыным проблема правового, устойчивого общества. Эта проблема может быть решена только при помощи людей, которые имеют такие качества, как герой рассказа. Шухов служит примером такого человека, кто может поднимать уровень общества, несмотря на то, где он находится - в зоне или на воле. Итак, символическое значение "день" соответствует понятиям "срок" и "жизнь" таким образом, что Солженицын, вероятно, предлагает человеку прожить жизнью такими с житейскими правилами, как герой рассказа прожил день, описанный в рассказе. С этой связи стоит еще добавить, что в рассказе кроме и реального и символического значения день является и рассказом о сопротивлении человеческого духа насилию (<http://www.coolsoch.ru>).

Итак, мы рассмотрели образ Ивана Денисовича. Теперь мы можем установить более четко, какие качества свойственны солженицынскому народному характеру. Во-первых, Шухов - особый тип героя: он "простой человек". Шухов настоящий мужик, сохранивший свой язык и индивидуальность. Во-вторых - он человек середины. Сравнивая Ивана Денисовича с другими сокамерниками, можно видеть, что он всегда находится в центре и в отношении к людям, к неволе и даже, если говорить о лагерной иерархии. Шухов не пользуется людьми, как образованный Цезарь, а наоборот он помогает всем, и это является главным двигателем его поведения. У этого "простого человека" может поучиться уму-разуму и московский интеллигент Цезарь Маркович. Иван Денисович знает границу между добром и злом. Он не участвует в творимом над людьми зле. Он знает границу также между человеческим достоинством и унижением. Шухов в противоположность Фетюкому себя унижать не будет. В отличие от Буйновского, он не борец с системой, он является борцом с жизни. Шухов человек "от мира сего" и таким образом не идеальный как, например, Алеша. Что касается лагерной иерархии, то и в ней он находится в центре.

Разумеется, при речи о нем, автор неоднократно подчеркивает его нормальность. Даже его биография - биография "простого человека".

В связи с солженицынским понятием о народном характере нельзя не сказать о значении труда. Шухов - трудолюбивый человек. Кроме удовольствия получаемого от него, труд вообще много значит для Шухова. Во-первых, работа превращает казенное время в свое. Во-вторых, труд позволяет "сломать" иерархию. В-третьих, святость народного труда связана с проблемой искания свободы героя. В его труде - противостояние лагерю, которое связано с условиям выживания.

Шухов - человек с народной мудростью. Он расчетливый, но не за счет других. Кроме того, Иван Денисович - устойчивый человек, но, тем не менее, он способен обустроиться. Хотя он и принимает участие к постройке "их" системы, но внутренне живет по-своему, а не правилам советской идеологии. Следовательно, из-за своей устойчивости, он и в трудных, несвободных условиях остается человеком, сохраняя внутреннюю свободу. Высокое понимание нравственности у Ивана Денисовича вытекает из крестьянского уклада. Так как он человек с духовными ценностями, выжить нравственно в зоне ему важнее, чем физически. Итак, он имеет чисто праведнические свойства. Даже бригадир Тюрин не мог не отмечать это, когда сказал Шухову, что "без тебя ж тюрьма плакать будет!" В трудный момент Иван Денисович обращается к Богу для опоры. Вопреки условиям советского общества, Шухов не потерял способность верить. Вера для него естественна, хотя он, переводя слова о духовном на язык земной, ищет справедливости на земле.

8. Рассказ "Матренин двор"

8.1. История создания и публикации "Матренин двор"

Рассказ "Матренин двор" продолжает повествование о русских праведниках. Подобно Ивану Денисовичу, и Матрена носитель народной нравственности. Рассказ назывался сначала "Не стоит село без праведника", окончательное название дал А. Т. Твардовский, долговременный редактор либерального журнала "Новый мир". Приведенная поговорка, по словам, Кузьмина:

Ключ к восприятию глубинного социально-философского смысла рассказа, в котором на материале современной действительности реализуется популярная в христианской литературе притчевая тема 'жил праведник, а мы не заметили', восходящая к библейской истории о праведнике из Содома (Кузьмин 1998:108).

С этого рассказа ведет свое происхождение знаменитая ныне деревенская проза (Паламарчук 1991:16). При напечатании по требованию редакции год действия 1956 подменялся годом 1953, то есть дохрущевским временем. Из-за этого начало повествования менялось. Других изменений не было. "Матренин двор" напечатан в "Новом мире" в 1963 году и полностью автобиографичен и достоверен. Он был подвергнут атаке в советской прессе. В частности, автору указывал, что не использован опыт зажиточного соседнего колхоза, где председателем Герой Социалистического Труда. Критика не доглядела, что он и упоминается в рассказе как уничтожитель леса и спекулянт.

8.2. Пространство рассказа

В рассказе показана обнищавшая русская деревня и загнанный колхоз, вблизи которого находится поселок Торфопродукт. Солженицын комментирует название поселка следующим образом: "Ах, Тургенев не знал, что можно по-русски составить такое" (Солженицын 1999:108). Он описывает окрестности так:

В этом месте стояли прежде и перестояли революцию дремучие, непроходимые леса. Потом их вырубил – торфоразработчики и соседний колхоз. Председатель его, Горшков, свел под корень изрядно гектаров леса и выгодно сбыв в Одесскую область, на том свой колхоз возвысив, а себе получив Героя Социалистического Труда (там же:108).

Признаки прогресса, видны в этом поселке. С коренными преобразованиями его пространство менялось на все более советское и это, в свою очередь, имело влияние на характер ее жителей. Здесь можно сделать обобщение, что подобные изменения произошли и в других местах, влияя, таким образом, на характер русского народа в целом. Следовательно, в связи с революцией, ценности русского народа испытали перемену. Поскольку тема революций важна для Солженицына, он и здесь высказывает свое мнение о ней. Разумеется, солженицынская точка зрения о воздействии революции на Россию отрицательна.

В рассказе Солженицын перебрал ряд названий деревень, в частности, Часлицы, Овинцы, Спудин и Тальново. Он, т.е. повествователь Игнатич, отмечает что: "Ветром успокоения потянуло на меня от этих названий. Они обещали мне кондовую Россию" (Солженицын 1999:109). Эти имена, как и название села Высокое поле, содержали желанную особенность, так как "название не лгало. На взорке между ложков, а потом других взорков, целью – обомкнутое лесом, с прудом и плотинкой" (там же:108). Рядом с производственно-социалистическим названием поселка "Торфопродукт" эти слова душевные, так как они не несли в себе раздражающего психоза или мастерски выстроенной лжи (Чалмаев 1994:232). Солженицын, во-первых, противопоставляет душевные досоветские имена поселков новым искусственным советским названиям таким, как Торфопродукт и, во-вторых, даже утверждает, что вышеупомянутое не содержит национального духа, а - напротив - какою-то лживость. Об этом пойдет речь дальше

За Торфопродуктом деревня Тальново. Туда попадает повествователь рассказа, Игнатич, в своих поисках нетронутой России. Ему "хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России – если такая где-то была жива" (Солженицын 1999:107). "В краю уродливых сталинско-хрущевских колхозов учитель Игнатич [...] в конце концов находить маленький, чудом уцелевший островок, [...] сохранивший христианские ценности и изумительный по красоте язык" (Урманов 1999:12). В пространстве рассказа важнейшими чертами являются именно эти христианские ценности и изумительный по красоте язык, так как они соответствуют солженицынскому понятию о русском народном характере.

8.3. Не легко в зоне - не легко на свободе

"Советский режим сделал великую Россию - лагерем, зоной" (Мешков 1993:45).
Итак, не легко в зоне – не легко на свободе.

В таком пространстве живет одинокая шестидесятилетняя Григорьева Матрена Васильевна, которая "испытывает на себе все прелести советской сельской нови 50-х годов" (Голубков 1999:75).

Наворочено было много несправедливостей с Матреной: она была больна, но не считалось инвалидом; она четверть века проработала в колхозе, но потому что не на заводе – не полагалось ей пенсии за **себя**, а добиваться можно было только за **мужа**, то есть за утерю кормильца. Но мужа не было уже пятнадцать лет, с начала войны, и нелегко было теперь добыть те справки с разных мест о его **стаже**, и сколько он там получал, хлопоты были – добыть эти справки (Солженицын 1999:114).

Из-за этого Матрене пришлось ходить пешком километрами: "Из канцелярии в канцелярию [...] то за точкой, то за запятой" (там же:114). Кроме этого ежедневная жизнь заставляла брать торф тайком, хотя он добывался везде вокруг, но не продавался жителям деревни.

Заработка Матрена не имела, так как: "Пенсии ей не платили. Родные ей помогали мало. А в колхозе она работала не за деньги – за палочки" (Солженицын 1999:111).
У нее было только огород. Однако:

Председатель новый, недавний присланный из города, первым делом обрезал всем инвалидом огороды. Пятнадцать соток песочка оставил Матрене. [---] Прочем и за пятнадцать соток потягивал колхоз Матрену. Когда руки не хватало [---] жена председателя приходила к Матрене (там же:117).

Иными словами жизнь у Матрены нелегкая. Кроме того, она полна драматическими поворотами: "Детей у нее было шестеро, но один за другим умирали все очень рано, так что двое сразу не жило" (Солженицын 1999:121). К тому же муж Матрены, вероятно, погиб на войне. Несмотря на этот факт, она не озлобилась, не отвернулась от людей и готова была прийти на помощь каждому (Герасименко 1998:244).

Завтра, Матрена, придешь мне пособить. Картошку будем докапывать. И Матрена не могла отказать. Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке и, воротясь, еще говорила без тени зависти: Ах,

Игнатич, и крупная ж картошка у нее. В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу правда (Солженицын 1999:117)!

Героиня рассказа такая же безотказная в помощи другим, как герой в "Одном дне Ивана Денисовича". Матрена и Шухов по личности, во многом, сходны. Они, действительно простые сельские люди с крестьянским народным характером, у которых сохранились столь важные для Солженицына, христианские ценности. Условия, в которых они живут, прежде всего, тяжелые, так как вокруг везде зло и насилие: Шухов живет свою жизнь в тотальной несвободе, а жизнь у Матрены ни чуть не легче, так как античеловеческие условия действительности окружают ее. Тем не менее, они не озлобятся и не потеряют желания подать руку людям. Другими словами, и Матрена, и Иван Денисович - праведники, так как словами Лопухиной-Родзянко, в произведениях Солженицына праведники выделены среди людей, так как у них высокая нравственность, которая сохраняет идеал добра во враждебном им мире (1974:24). С этой связи стоит немного еще уточнить слово праведник. Согласно "Толковому словарю" В. Даля, праведник - это праведно живущий, во всем по закону Божью поступающий безгрешный человек (1955:308). Другими словами, можно сказать, что Матрена и Шухов обладают столь важным качеством для Солженицына, - живут по правде Божьей и, таким образом, действительно являются праведниками.

8.4. Личность Матрены

Когда мы сравниваем Матрену с Шуховым по их отношению к людям, к работе, к жизни вообще бросается в глаза тот факт, что, как и герой в рассказе "Один день Ивана Денисовича", так и героиня этого рассказа, не борец с системой, а, как уже выше было сказано, простая крестьянка. К тому же Матрена - скромная. Она деятельно помогает всем, и денег за это не хочет брать. Она прокормит себя и так может. Не понимая доброжелательства Матрены, жители деревни презрением относятся к ее добровольной бедности. Они все имеют более благоустроенные дома.

Здесь подчеркивается противостояние двух разных систем: традиционная народная нравственность и ее незлобивость и потребительская, прагматическая мораль, которая разъединяет людей. Для Матрены добро – сочувствие, неспособность к злу и

любви, а для жители деревни и для родственников Матрены совсем иначе. (Нянковский 2001:382.) Таким образом, Игнатич замечает: "Что добром нашим, народным или моим, странно называет язык имущество наше и его-то терять считается перед людьми постыдно и глупо" (Солженицын 1999:135). Словом, Матрена не борется внешне против системы, а более всего она борец за доброту против враждебного мира. Ее борьба, таким образом, подобно Шухову, - внутренняя борьба.

Как уже было сказано при речи о народном характере по Солженицыну, раньше русским было свойственна непогоня за внешним успехом, а со временем русские стали стремиться за богатством. Разумеется, это факт, которого Солженицын не одобряет. Мир ценностей у Матрены совсем другой, чем у ее современников. Действительно Матрена живет по старым принципам. Она живет по правде Божией. По словам Лопухиной-Родзянко:

Корыстные люди не понимали богатства ее души, видя ее в убогой одежде и покосившения домике. [---] Религиозность Матрены скрытая, внутренняя и бережно хранимая, как ее любимая старина. Образ ее самоотверженной жизни не зависит от внешней религиозности. Она интуитивно живет по правде Божией, сама того не замечая. В Матрене выразился призыв Солженицына к современному миру, заменившему духовные ценности материальными (1974:74).

В этой связи можно задать вопрос "чем люди живы". Игнатич, пользуясь несколькими словами, характеризует облик Матрены. У нее "лучезарная улыбка" и "простодушный взгляд блекло-голубых глаз" (Солженицын 1999:115).¹ Урманов отметил, что: "Автор этого произведения, вопреки канонам классического реализма, почти не обращается к описанию портрета Матрены, не дает ее телесного или, как говорили в старину, плотского облика" (1999:46). Ему важнее изображать внутренний свет простой крестьянки. Здесь можно сделать вывод, что, подобно Ивану Денисовичу, и Матрена наделена неброской внешностью. Тем не менее, их внутренняя жизнь, особенно у Матрены, значительнее. В самом деле, пережить то,

¹ Урманов писал, что с большим трудом Игнатичу удалось запечатлеть ее на фото пленке лишь один раз. Кстати, сделанный А. Солженицыным снимок Матрены Васильевны Захаровой (подлинная фамилия хозяйки дома, в котором писатель жил в 1956-1957 годах), вызывает озадаченность – далеко не все могут разглядеть здесь хоть что-то, напоминающее улыбку. В самом деле, улыбка Матрены совсем не похожа на белозубую 'американскую' улыбку, на ухмылки эстрадных пародистов или самодовольные улыбки 'новых русских'. По словам Урманова, "эта внешне неяркая улыбка простой русской крестьянки таит в себе загадку не меньшую, чем улыбка Джиконды. Понять ее – значит понять загадку русской души" (Урманов 1999:46-47).

что пережила Матрена и сохранить до старости свою "лучезарную улыбку", для этого надо иметь большие душевные силы. Иными словами душевный мир Матрены налажен огромным качеством (<<http://sputnik.mto.ru/Seans/Methodical.teaching.mat/churav111/index.htm>>).

Видный для повествователя внутренний свет Матрены подчеркивается и в разговоре об ужине между Матреной и Игнатием. В выборе между "картовью" или "картонным супом" (всегда той же самый выбор), он говорит, что он доволен своей жизнью, хотя она скромная, так как "жизнь научила меня не в еде находить смысл повседневного существования. Мне дороже была эта улыбка" (Солженицын 1999:114). Как отметил Герасименко: "Матрена и учитель – духовно близкие люди, они нетребовательны к быту, их общее качество – самоограничение" (1998:244).

Как раньше уже было сказано, самоограничение, столь ценимое Солженицыным, тесно связано с его понятием русского народного характера. Нам уже известен тот факт, что раньше русскому народу была свойственна непогоня за внешним богатством, а со временем ценности народа превратились в более материальные. Дело в том, что вопрос, имеющий важное значение для Солженицына, - это вопрос о том, как поднимать уровень общества. Он убежден, что самоограничение - необходимое качество вместе с духовностью для русских и только таким образом можно сменить отрицательный уклон страны. Следовательно, Матрена и Иван Денисович обладают этим важнейшим качеством.

Ни жизнь, полная страданий и несправедливостей, ни бесчисленные удары судьбы, не меняли Матрениной личности. Она способна выжить и физически и, прежде всего, нравственно в тяжелейших бытовых социальных условиях, т.е. говоря о последнем, остаться человеком с душой и сердцем, бескорыстной и отзывчивой, не озлобляясь и не отчаясь. (Урманов 1999:45-46.) Поэтому стоит добавить, что она, действительно, отличается от ее современников, так как советская власть не изменила ее убеждений. Обстоятельства советского режима вызывают носителей крестьянского характера, таких, как и Матрена и Иван Денисович на непрестанную борьбу против зла и насилия. Боевым снаряжением у них является их доброта. Таким образом, такой враждебный режим укрепил или даже выявил в обоих героев

качества, которые не могли проследить писатели XIX века. Иначе говоря, Матренин характер стал еще более устойчивым и гибким. Поэтому слова, приведенные в предыдущей главе как раз о ней: "Как трава нагибается от сильного ветра, а потом распрямляется без вреда для себя - так народ, если удавалось, переживал, переждал эти 'глубокие воздействия власти', не меняя веры и убеждений" (Солженицын 1998:165). Такая Матрена и есть - человек с народной мудростью, устойчивая и гибкая. Как известно, подобное свойство было и у Шухова, именно его способность обустроиться. Из-за этого, несмотря на окружающие антигуманные условия, у него сохраняется удивительная цельность и сила характера, которые, в свою очередь, помогают Шухову, как и Матрене, не изменять свои убеждения и, таким образом, сохранить свое человеческое достоинство.

Подобно Шухову, Матрена вечная труженица:

У нее было верное средство вернуть себе доброе расположение духа – работа. Тотчас же она или хваталась за лопату и копала картовь. Или с мешком под мышкой шла за торфом. А то с плетеным кузовом – по ягоды в дальний лес. [---] в избу возвращалась Матрена уже просветленная, всем довольная, со своей доброй улыбкой (Солженицын 1999:114-115).

Она, действительно, получает удовольствие от работы. Здесь опять подчеркивается, столь ценимая Солженицыным, святость народного труда.

Как уже выяснилось в самом начале этой главы, этот рассказ продолжает повествование о русских праведниках. Матрена кроме любви к труду, такие, как пишет Кузьмин, имеет многие праведнические черты как терпение, нравственную чистоту, нестяжательство и вдобавок она добродетельна (1998:109). Кроме того Матренина правдивость даже видна на ее лице. Как замечает повествователь Игнатич: "У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей" (Солженицын 1999:127). В глазах повествователя Матрена праведник, но в глазах местных людей ее праведнические черты восприняты противоположно. Они не понимают Матренину доброту и не одобряют ее уклад жизни. Несмотря на то, что она необходима всем в деревне, она, все-таки, одна среди людей.

Хотя Матренина изба скромная и бедная, там существует гармония. Она заботится о животных: у нее – колченогая кошка (Матрена из жалости взяла ее), коза, мыши и даже тараканы. К тому же у Матрены фикусы, которые "заполнили одиночество хозяйки безмолвной, но живой толпой", а также "редкое, быстрое шуршание мышей (---), как далекий шум океана, шорохом тараканов за перегородкой, (---) ибо в нем не было ничего злого, в нем не было лжи" (Солженицын 1999:110,112). Все живое тянется к ней. Как будто у Матрены дома живет сама природа, и они живут в согласии. Следовательно, Матренин двор – место нетронутое; там сохранились сокровища народного духа. (Нянковский 2001:378-380.) Там осталось кусок кондовой России. Матренин двор как отдельный остров, где, с точки зрения автора, есть все элементы для нравственно чистой жизни. Разумеется, там не властвуют звериные законы антимира (Урманов 1999:45). Антимир для Солженицына по словами Урманова:

Это такой тип цивилизации, который рассчитан не на раскрытие божественной, богоподобной сути человека, а лишь на удовлетворение бесконечно растущих материальных потребностей людей. К такому типу цивилизации писатель относит и утвердившийся на 70 лет в России коммунистический строй (1999:38).

Этот мир, в основном, - мир зла и лжи. Как уже выше было сказано, тема лжи является важнейшей проблемой для Солженицына. Поэтому все произведения Солженицына о том, чтобы писать правду и таким образом победить ложь. Солженицын в своей Нобелевской лекции в 1972-ом году пишет что: "Одно слово правды весь мир перетянет" (Солженицын 1995:25). На самом же деле, Матрена живет не по лжи, подобно Ивану Денисовичу и именно это умение противопоставляет "их" бесчеловеческой системе (Нянковский 2001:384). Стоит добавить, что, хотя они оба своего рода арестанты, тем не менее, они, внутренне свободны из-за их огромной силы воли и устойчивости. Матренин двор противопоставлен миру лжи. Короче говоря, ее двор - место, где не действуют правила нового режима. Там ничего не лжет, ни названия, ни речь. Подобно Ивану Денисовичу, и у Матрены собственный язык. У нее распевная речь. По сути дела язык связан с проблемой народного характера. Как правило, в творчестве Солженицына подчеркивается бунт против идеологического слова, речи, состроенной в нее ложью (Лопухина-Родзянко 1974:175). Матренин чистый

народный характер проявляется, прежде всего, в ее речи. Здесь не только подчеркивается попытка Солженицына "языкового расширения", но и попытка сохранения собственной личности у Матрены.

Матрена сталкивается с этим антимиром, в котором все лгут и который, кроме того, несправедлив: руководство железной дороги не продает билеты, хотя вагоны в поезде практически пустые, школа искусственно имеет высокий процент успеваемости, лжет бывший председатель колхоза, Горшков, вырубивший под корень гектары леса и получивший звание Героя, жадность Фаддея, требующего горницу уже при жизни Матрены, причиняя ей горе и в конце концов явится причиной ее гибели:

Не жалко было саму горницу, стоявшую без дела, как вообще ни труда, ни добра своего не жалела Матрена никогда. И горница эта все равно была завещана Кире. Но жутко ей было начать ломать ту крышу, под которой прожила сорок лет. [---] Для Матрены было это – конец ее жизни всей (Солженицын 1999:126).

Опираясь на мысли Нянковского, стоит обратить внимание на "черность" Фаддея. Повествователь неоднократно пользуется словом "черный", противопоставляя его внешний вид светоносности Матрены с ее лучезарной улыбкой. У Фаддея, подобно Матрене, нелегкая жизнь с бесчеловечными обстоятельствами. Однако Фаддей, в отличие от Матрены, озлобился. И, к сожалению, он не единственный такой человек в деревне. Типичность его нравственной позиции подтверждают и другие. (Нянковский 2001:381-382.) Следовательно, притворяясь у гроба Матрены, после ее смерти, родные и близкие прежде всего заботятся о ее избе, иными словами о том, кто получит что. На поминках о Матрене никто уже не говорит. Здесь особенно подчеркивается перемена ценностей в обществе.

В самом конце рассказа, после смерти Матрены, повествователь перечисляет ее достоинства:

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на другие бесплатно, - она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы... Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.
 Ни вся земля наша (Солженицын 1999:138).

Таким образом, Матрена - добродетельный человек со справедливой нравственностью, т.е. носитель нравов, очень нужных для страны.

Наконец, говоря о праведниках в своей статье "Раскаяние и самоограничение" Солженицын отмечает, что:

Есть такие прирожденные ангелы – они как будто невесомы, они скользят как будто поверх этой жижи, нисколько в ней не утопая, даже касаясь ли стопами ее поверхности? Каждый из нас встречал таких, их не десятеро и не сто на Россию, это – праведники, мы видели их, удивлялись, пользовались их добром, в хорошие минуты отвечали им тем же, они располагают, - и тут же погружались опять на нашу обреченную глубину (Солженицын 1995:61).

Словом, народные характеры существуют, но их надо искать, как сделал автор этого рассказа. Матрена - настоящий образец народного характера. Качества и ценности, которыми она владеет, совпадают с солженицынскими понятиями о настоящем народном характере. Самое важное - это то, что она живет по Божьей правде. Прежде всего, ее местожительства находится в нетронутой России, хотя и возле некрасивых колхозов, которые репрезентируют новую советскую власть. В противоположность этому, есть Матренин двор, где, по словам повествователя, "христианские ценности и изумительный по красоте язык", место, которое свободно ото лжи. Матренина личность, как и ее двор, отличаются резко от остального края и других местных людей. Матрена сталкивается с так называемым антимиром, в котором отсутствует гармония и господствует зло и жадность, а также несправедливость. Все хотят чего-то для себя даже за ее счет. Этот мир уже не мир христианских ценностей и крестьянских характеров; там отсутствуют такие достоинства как, в частности, самоограничение и готовность помогать другим. Подобно Шухову, и Матрена - своего рода заключенная. Короче говоря, она - арестантка этого антимира в переносном значении слова. Несмотря на это, она не сломится и не потеряет человеческое достоинства, как и Шухов в концлагере. Итак, Шухов и Матрена считаются праведниками.

Матрена живет по принципу старообрядцев, веру которых Солженицын предпочитает; она трудолюбивая и неуступчивая, склонная к самоограничению и готовая на жертвы. К тому устойчивость и гибкость не чужды Матрене. Хотя ее жизнь полна несправедливостями и драматическими поворотами, которые оставили ее одну во враждебном мире, она не одинока. В гармоническом Матренином дворе все живое живет в согласии, там нет лжи. Вполне вероятно, что Матренин двор, с точки зрения Солженицына, в самом деле, как символ нетронутой настоящей России. Фаддей, ценности которого уже не духовные, народные ценности, а "антимирне" материальные, готов разрушить эту гармоническую избу. Вероятно, что он с этими своим и уже не народными русскими элементами является символом солженицынского понятия об инородности революции, а также о "чужом" влиянии на русское общество. Здесь речь идет об отрицательной перемене нравов при новом советском режиме. Разрушение Матрениной избы вызывает гибель праведнической Матрены, т.е. самой России. Солженицын же писал, что без праведников "не стоит село, ни город, ни вся земля наша".

9. Солженицынские "Крохотки"

Проанализировав рассказы об Иване Денисовиче и Матрене, мы пришли к выводу, что - они носители исконного русского народного характера и при том - личности с праведническими чертами характера. Такие скромные люди, согласно Солженицыну, необходимы для России вообще, так как без них "не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша" (Солженицын 1999:138). Следующие солженицынские лирические миниатюры: "Озеро Сегден", "Путешествие вдоль Оки", "Прах поэта", "Петушьё пеньё", "Колхозный рюкзак", "Лиственница", "Вязовое бревно", "Колокол Углича", "Костер и муравьи" и "Позор" выбраны нами для подробного анализа таким образом, что в них явно отражена отрицательные, с точки зрения автора, изменения, в том числе духовный и нравственный упадок в обществе. Они, в свою очередь, связан с проблемой солженицынского народного характера, как, кстати, уже выяснилось при анализе рассказов "Один день Ивана Денисовича" и "Матренин двор". В этих лирических миниатюрах проявлена тревога Солженицына за будущее состояние России не только в общественном смысле слова, а также за судьбу его людей. К тому же в них показывается противопоставленность прошлого с выше названными качествами и будущего с их отсутствием. Солженицына, очевидно, беспокоит исчезновение вышеназванных краеугольных камней общества, т.е. исчезновение таких людей как Иван и Матрена. Все это видно в выбранных нами "Крохотках". В конце главы мы вернемся вновь к вопросу, меняется ли представление Солженицына о народном характере.

9.1. История создания и публикации "Крохотки"

Художественные поиски Солженицына возродили жанр лирической миниатюры, которая, на самом деле, в русской литературе советского периода долгое время была в опале. Цикл солженицынских "Крохоток" разнообразен: миниатюры различны по своему объёму, тематике и жанрово-стилистическим признакам. К тому же в них наметились основные идейно-художественные тенденции всего солженицынского творчества. Б. Кодзис пишет в своей статье "Лирические миниатюры Александра Солженицына":

В них прозвучали главные мотивы его позднейшей прозы и публицистики, а также в общих чертах проявился художественный почерк писателя,

своеобразно сочетающего исповедь и проповедь, импрессионистические зарисовки, публицистическое начало и документ (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001>>).

К тому же, подобно своим предшественникам, Солженицын в своих миниатюрах порой отказывается от непосредственного выражения смысла в тексте, и на первый взгляд, выдвигает рисунки мелких эпизодов окружающего мира, придавая им форму мимолетных мгновений, которые при всей их повседневности выражают, однако, более глубокий, чем кажется на первый взгляд, смысл (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001>>).

"Крохотки" писались в разное время. Первую серию он писал между 1958 и 1960, часто в связи со своими велосипедными поездками по Средней России. Начала "Крохотки" ходили в Самиздате. Потом журнал "Семья и школа", напрасно пытался напечатать часть из них осенью 1965 года. Первая публикация была во франкфуртском журнале "Грани" в 1964 году. (Солженицын, 1991:285.) Вторая серия "Крохоток" (1996-1998), появившаяся в печати в последние годы, продолжает лирические миниатюры Солженицына 50-60 х. годов. Примечательно, что Солженицын стал снова писать "Крохотки", только вернувшись обратно в Россию. На чужбине он их писать не мог. (<<http://www.hi-edu.ru/x-books/xbook027/01/htm.>>) В отличие от ранних, содержащих для Солженицына злободневные социальные темы - в его вторую серию сильно и глубоко вошли и философские, всечеловеческие темы.

9.2. Анализ "Крохоток"

9.2.1. "Озеро Сегден"

В сущности, во многих "Крохотках" Солженицына встречается какая-то противопоставленность. Прочитав "Озеро Сегден", действительно, бросается в глаза, что здесь одновременно идет речь о двух разных периодах. Таким образом, эта лирическая миниатюра, по всей видимости, представляет русское общество до, и после революции. Нам, разумеется, не удивит то, что между ними - невидимое ущелье. "Озеро Сегден" начинается следующими словами: "Об озере этом не пишут и громко не говорят. И заложены все дороги к нему, как к волшебному замку...

"(Солженицын 1999:499). Более вероятно, что Солженицын имеет в виду, что само озеро репрезентирует дореволюционную Россию, тему, которая не обсуждалась при советском режиме, так как царская Россия была как будто волшебный замок, который куда-то исчез. По сути дела, тема освещения национальной истории неоднократно обсуждается в "Крохотках" Солженицына, так как это важная проблема для автора. Цитата продолжается следующим образом: "над всеми дорогами висит знак запретный, простая немая черточка" (там же:498). Кроме того, что царская Россия - запретная тема, становится ясным, что атмосфера новой советской власти - это, по Солженицыну, атмосфера запретов в целом. И еще одно замечание в этой связи - это язык новой власти - знак запретный с простой немой черточкой - совершенно не выразительный. Действительно, язык советского режима испытал отрицательную трансформацию. Неутрата языка, как нам известно, играет огромную роль для Солженицына, так как это для личности, в том числе и для Шухова, - способ сохранить человеческую личность. С точки зрения автора, нейтрализация языка ведет к утрате индивидуальности. К тому же, восстанавливая в памяти распевную речь и изумительный по красоте язык героини в "Матрениным дворе" и сопоставляя его с новыми даже немного, согласно Солженицыну, ложными советскими названиями или немymi черточками, мы ясно видим недушевность языка. Как было сказано, у Солженицына постоянно идет попытка языкового расширения и, таким образом, он бунтует, в том числе и против недушевленности языка при советской власти.

Солженицын, очевидно, противопоставляет кондовую Россию с ее религиозными и духовными ценностями России, где господствуют новые законы, и среда обитания людей из-за советской власти полна злом и насилием. В предыдущих главах много говорилось также о воздействии духовности на общество, а также на русский народный характер. Как было сказано, Солженицын убежден, что, несмотря на любой государственный строй, без духовности не расцветает ни одно государство и, прежде всего, нет здорового общества. Кроме того нужна еще и свобода совести, чтобы в обществе была чистая атмосфера. Нам известно, что она независима от юридических законов. Короче говоря, общество, где отсутствуют вышеназванные качества, основанное к тому же на запретах и насилии - далеко от здорового, и несвободно как демонстрирует нам следующая цитата из лирической миниатюры:

А близ дорог в сосновой чаще сидят в засаде постовые с турчками и пистолетами. Кружись по лесу молчаливому, кружись, ищешь, как просочиться к озеру - не найдешь, и спросит не у кого: напугали народ, никто в том лесу не бывает (Солженицын 1999:499).

Тут стоит сказать, что, называемая здесь земная власть, т.е. советский режим управляет с помощью зла и с насилия. Обстоятельства советского общества таковы, как известно, что зло господствует везде: и в зоне, и на воле. Как уже было сказано, между такими людьми, как Матрена и Иван Денисович, и остальным миром как будто есть граница: на одной стороне - праведничество, а на другой - враждебность. Во всяком случае, Иван Денисович и Матрена противостоят ценностям и системе советского режима. Еще одно замечание в этой связи. В тоталитарной системе замкнутость - свойство не только лагеря, а она распространяется на все сферы жизни, и вся страна становится зоной при такой системе. Это, очевидно, снимает свободу личности и делает человеческое существование почти невозможным.

Недаром, по мнению Солженицына, беда и трагедия народа и каждого из его граждан - именно в этой несвободе. Разумеется, проблема несвободы тесно связана с весьма отрицательной трансформацией общества, где на место духовности пришли ненависть и насилие. Эта проблема обсуждается неоднократно в произведениях Солженицына.

Как уже было отмечено, озеро Сегден в этой лирической миниатюре репрезентирует кондовую Россию, которая является противоположностью советской власти и таким образом там совсем другая атмосфера: "Вот туда бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий, между водой и небом струилась бы, текли бы чистые глубокие мысли" (Солженицын 1999:499). Следовательно, кондовая Россия, в свою очередь, репрезентирует духовность со многими ее оттенками. Однако, самое важное то, что там, у озера ощущается нравственность и свобода мысли:

Обомкнуто озеро прибрежным лесом. Лес ровен, дерево в дерево, не упустит не ствола. Вышедшему к воде, видна тебе вся окружность замкнутого берега: где желтая полоска песка, где серый камышок ошетинился, где зеленая мурава легла. Вода ровная-ровная, гладкая без ряби, кой-где у берега в ряске, а то прозрачная белая - и белое дно (там же: 499).

В отличие от сурового, несвободного общества, управляемого земной, т.е. советской властью, здесь, в природе, существует гармония. Вообще говоря, во многих

произведениях Солженицына идет поиск истины в понимании природы. Может быть, и здесь из-за этой слаженности. В описанной тут природе все живет в гармонии, как и в матренине избе, в которой не было ничего ложного и ничего злого и в которой сохранились сокровища народного духа. Природа здесь, вероятно, является символом кондовой гармонической России, где господствовал настоящий русский дух, свободный от звериных законов "антимира". Неоспоримо, что проблема добра и зла связана с социальным строем России. Кроме того, это место свободно от знаков запретных с немymi черточками, поставленных земной властью.

Земная власть, действительно, может ставить черточку и таким образом, как следует из "Озера Сегден" Солженицына, запретить человека ездить, летать и ползать. Она, однако, не может запретить бессовестность, она ни может разрешить человеку действовать ни беззастенчиво, ни нравственно. Это может только неслетская власть, другими словами правда Божья. Солженицын пишет, как мы уже говорили, что жить по правде Божьей - это высшее качество для русских. У озера Сегден, т.е. в кондовой России, где у людей еще сохранились христианские ценности, до того, когда туда пришли "чужие", был Божий промысел над жизнью людей так как "озеро в небо смотрит, - небо в озеро" (Солженицын 1999:499). Зато при новых обитателях уже о Боге не говорится. Там земная власть создает законы.

В конце миниатюры Солженицын, как пишет Кодзис, зло клеймит "лютого князя, злодея косоглазого" который напоминает сказочного Кощея Бессмертного: "Вот тут бы и поселиться навсегда... [...] Нельзя. Лютый князь, злодей косоглазый, захватил озеро: вон дача его, купальни его. Злоденята ловят рыбу, бьют уток с лодки. Сперва синий дымок над озером, а погода - выстрел" (Солженицын 1999:499). Значит "лютый князь" вместе со своими "злоденятами" захватил озеро и держит в страхе и послушании окрестных людей. После описания прекрасной русской природы, а также своих личных переживаний, Солженицын в этих финальных словах лирической миниатюры особенно резко выражает свою неодобряющую авторскую позицию (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001>>).

Опираясь на ранее упомянутые факты о Солженицыне, можно сделать вывод, что он, вероятно, здесь имеет в виду послереволюционное положение страны. Как уже было отмечено, Солженицын развивает тезис об инородности революции. Таким образом, на место старых обывателей пришли какие-то "чужие" со своими новыми законами, т.е. "лютый князь" со своими "злоденятами". Кажется, что этими словами Солженицын подчеркивает изменения в обществе, в том числе и тот факт, что зло и насилие так или иначе связано с его людьми. Значит перемена в русском обществе такова, что на смену гармонии, духовности пришли чужие правила. Из-за этого меняется и характер народа.

Нам известен тот факт, что Солженицын беспокоится за судьбу России, за судьбу ее людей. По его мнению, уровень духовности нации определяет состояние государства. Здесь можно сказать несколько слов о солженицынском точке зрения по поводу империи. Он не одобряет имперские стремления России и считает, что этот вопрос тесно связан с будущей Россией. В предыдущей главе, опираясь на слова философа И. А. Ильина, мы писали, что самое важное, с точки зрения Солженицына, - это духовная жизнь народа. Озера Сегден - это место где, "Замкнутая вода. Замкнутый лес. [---] И есть ли еще что на земле - неведомо, поверх леса - не видно. А если что и есть - оно сюда не нужно, лишнее" (Солженицын 1999:499). По всей видимости, Солженицын употребляет слово "замкнутый", как символ границы, в том числе, границы России. Возражая против всяких внешних, и имперских целей, Солженицын проявляет свой патриотизм. Как уже было отмечено все, что "чужое" и т.п., ведет только к худшему, и, по его мнению, не нужно для страны. Таким образом, он предлагает, что надо использовать внутренние силы, т.е. "наши" силы для повышения уровня общества. Словом, Солженицын предлагает, что надо преимущественно ориентироваться на духовную жизнь народа. Еще одно замечание в этой связи. Может быть, Солженицын под словом "граница" имеет ввиду границу, тесно связанную с нравственностью. К этой теме вернемся позже.

Как уже было отмечено, солженицынские лирические миниатюры выражают нередко более глубокий смысл, чем кажется сначала. Так и здесь. Поэтому будем читать лирическую миниатюру "Озеро Сегден" более углубленно. Кроме

вышеназванных, в ней есть и элементы из старой русской легенды о Граде Китеже, которую можно назвать и легендой про праведный город, чудесно спасшийся, согласно "Мифологическому словарю" (1990:287), от завоевателей во время монголо-татарского нашествия в 13-ом веке. В старых легендах град Китеж считался населенным праведниками, и нечестивицы туда не допускались. К тому же, в городе царила социальная справедливость. В этой лирической миниатюре автор неоднократно ссылается на эту легенду. Озеро Сегден как "волшебный замок", о котором громко не говорят и к тому все дороги к нему заложены, пишет Солженицын. Можно сделать вывод, что этот волшебный замок — тайный град Китеж на прозрачном озере Светлояре.

Н. В. Морохин, описывая коротко легенду про град Китеж, который в свое время был велик и знаменит, пишет, что, когда его окружили враги, град не сдался им, жители его взмолились Богу, и защитил он их. Город опустился вниз. Прежние хозяева дальних заволжских лесов ушли под землю праведными, непокорёнными, не изменившими своим богам:

Ведь именно об этом рассказывает и древняя Китежская легенда: она о городе, который стал подземным, был накрыт холмами с лесом, озёрной водой, чтобы жители его спаслись от чужеземного поругания, сохранили свои святыни. А само озеро, как это всегда случается с настоящими природными святынями, перешло в руки следующих хозяев. Это были уже русские поселенцы — совсем не похожие на тех, кто жил в керженской тайге до них, верившие не в Доброго Великого Бога — Поро Кугу Юмо, не в лесных богов, которые владели деревьями, зверями, птицами, водами этой земли (Морохин <<http://www.ecoethics.ru/b26/305.html>>).

Подобно Светлоярому озеру, обомкнутое прибрежным лесом озеро Сегден также прозрачное. "Вода [---] прозрачная белая - и белое дно" (Солженицын 1999:499) Иными словами то, что вода чистая намекает, по всей видимости, на ее "праведность". Лирическая миниатюра продолжается: "Замкнутая вода. Замкнутый лес. Озеро в небо смотрит, небо - в озеро. И есть ли еще что на земле - неведомо, поверх леса - не видно. А если что и есть - оно сюда не нужно, лишнее" (там же:499). Кроме вышеназванной попытки говорить об имперскости, эту цитату можно анализировать и так, что град Китеж со всеми его элементами, с точки зрения автора, единственное, что нужно для России. Эту цитату можно понимать и по-

другому: так, что здесь речь идет о России как о замкнутом месте. Следовательно, идея об изоляции России здесь также вполне допустима. Вообще говоря, идея об изолированности страны не нова как об этом пишет, между прочим, Холмогоров (см. <<http://lj.rossia.org/users/miroshichenko/1693.html>>). Следующий отрывок из лирической миниатюры подчеркивает не только замкнутость этого места, а также тот факт, что оно высоко идеализировано Солженицыным: "Вот туда бы поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий, между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли" (Солженицын 1999:499). Судя по всему, можно сделать вывод, что Матренин двор, на самом деле, есть олицетворение Града Китежа. Между ее двором и остальным миром как будто невидимая граница, при этом и граница между добра и зла. На одной стороне господствует чистота помыслов и справедливость, праведницы Матрены, а, на другой стороне, "антимирные" правила далекие от нравственных. Для простого смертного Матренина жизнь непонятна. Град Китеж по старой легенде было также невидим для простого смертного. Значит Матренин двор - это замкнутое место, в котором она спаслась от чужеземного поручения и сохранила свои святыни. Таким образом, там сохранилось сокровище русского народного духа, как уже было отмечено выше. Может быть, из-за этого Солженицын хотел назвать рассказ "Матренин Двор" первоначально "Не стоит село без праведника".

В связи с разговором о солженицынских праведниках важное значение имеют слова Лопухиной-Родзянко о справедливости:

Справедливость [...] есть понятие абсолютное, освещающее все поступки человека и отношение его ко всему в жизни. Тот, кто живет по руководящему голосу общечеловеческой, вечной справедливости, направляет свою жизнь по иному пути, чем жизнелюбец. Это трудный путь, потому что постоянно требует от человека какого-то самоотречения - отказа себе в чем-то, что есть даже естественная потребность живого организма. Путь этот есть постоянная борьба человеческого тела и духа, которая происходит невидимо в сердце человека. На этом пути есть бесконечное множество ступеней достигнутой человеком духовной высоты. Этому пути нет предела. Каждый из праведников Солженицына по-своему преодолевает земные препятствия и остается верным справедливости (1974:136).

Солженицын заканчивает "Крохотку" следующими словами: "Озера пустынное. Милое озера. Родина" (Солженицын 1999:499)... Хотя это не озеро Светлояр, - а Сегден, но оно действительно, имеет так много сходного с первым, с точки зрения

автора, что можно представить себе, что где-то там, на дне есть невидимый город, в котором царствует правда Божья.

Разумеется, град Китеж - высший общественный идеал для Солженицына. Судья по всему эта старая легенда про Град Китеж, про праведный город является важнейшим ядром солженицынского мышления.

9.2.2. "Путешествие вдоль Оки"

В лирической миниатюре "Путешествие вдоль Оки" Солженицын стремится обратить внимание соотечественников на важные нравственные проблемы. В миниатюре речь идет о церквях, об их значении в обществе. "Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа. Он - в церквях" (Солженицын 1999:509). Сначала, однако, несколько слов о пространстве лирической миниатюры, которым служит Средняя Россия. Следовательно, оно расположено далеко от городской жизни. Как уже выше было отмечено, Солженицын неоднократно подчеркивает значение русских деревень. Во-первых, Солженицын предлагает, что настоящая русскость найдется именно в провинции. Во-вторых, он убежден, что только провинциальная жизнь может превратить страну в цветущую. В провинции, как уже выше было отмечено, не только уклад жизни, а также мировоззрение людей ближе к земле. Провинциальные нравы в большей степени содержат качества, проповедуемые Солженицыным. В-третьих, один из важнейших элементов этой русскости - церкви, которые, как пишет Солженицын, "издалека-издалека кивают друг другу, они из сел разобщенных, друг другу невидимых, поднимаются к единому небу" (там же:509). Они, имея общую цель, как будто формируют невидимую сеть над Россией. Короче говоря, здесь вероятно, речь идет о роли религии в обществе, о том, как она раньше являлась указателем пути для народа, а сейчас она превратилась в незнакомую форму. Как уже говорилось раньше, вера была главной опорой для русского человека. Несмотря на местонахождение человека, рядом где-то была "маковка колоколенки". Таким образом, религия всегда присутствовала.

А сейчас все по-другому. Успокоительный пейзаж - всего лишь кажущийся:

Но тыходишь в село и узнаешь, что не живые - убитые приветствовали тебя издали. Кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом поржавевших ребер; растет бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко еще сохранилось кладбище вокруг церкви; а то свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями (Солженицын 1999:510).

Это неутешительная картина отрицательных перемен в русском обществе. "В эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни" (там же:510). Значит то, что раньше оценивалось, сохранялось, потеряло свое значение и сейчас разрушено и заброшено. Как будто все, связанное с религией, надо уничтожать. При этом, очевидно, ценности, основанные на религии, т.е. на православии испытали перемену. В том самом и большая часть настоящей русскости стерта. Церкви превратились в хранилища, кино, клубы и т. д. В этих церквях в которых раньше проповедовали правду Божию, на месте икон сейчас висят лозунги: "Добьемся высокий удоев" "Поэма о море" "Великий подвиг". На место православной религии пришла "религия советских лозунгов", советских материальных целей. Кажется, это то, - чем люди живут сейчас, и что сейчас является указателем пути для них. Теперь действительно православия нет. Церкви еще существуют, хотя и в плохом состоянии, но в них сейчас организуют совершенно нерелигиозные мероприятия. Все старое, связанное с религиозностью, разрушается: "Ковыряй, Витька, долбай, не жале! Кино будет в шесть, танцы в восемь" (там же:510)... В этом сейчас смысл жизни.

Солженицын пишет, что:

И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать мысли - вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги (там же:510).

Здесь он открыто выражает свою точку зрения об изменении ценностей и целей в советском обществе. Солженицын намекает на тот факт, что оно (общество - I K-V) превратилось в более дикое место с потерей религиозности и в то же время духовности. Словам, в этой миниатюре Солженицын, как пишет Кодзис, выступает в защиту памятников сакрального зодчества, подчеркивая их большую роль как центров жизни русского народа, помогающих человеку побеждать в себе

необузданные звериные инстинкты (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001>>).

9.2.3. "Прах поэта"

Лирическую миниатюру "Прах поэта" можно считать продолжением предыдущей миниатюры. Солженицын старается выяснить причины плохого состояния страны. Он начинает с описания места, где чувствуется еще дух настоящей России. Оно расположено, как и в предыдущей лирической миниатюре, на берегу Оки. Там древний город, который прежде назывался Ольгов, а теперь деревня Льгово. Солженицын описывает историческое прошлое этого города. С высокого обрыва над рекой открывается перед глазами вид, похожий на вид миниатюры "Путешествие вдоль Оки". Там кроме красоты ощущается и присутствие Божье. Ингварь Игоревич "во спасенье свое поставил здесь монастырь Успенский" (Солженицын 1999:500). Оттуда в ясный день видна колокольня монастыря Иоанна Богослова. К тому же, "это место, как свое единственное, приглядел Яков Петрович Полонский и велел похоронить себя здесь" (там же:501). Поэт, по всей видимости, видел вечную красоту этого места, так как выбрал его. Солженицын продолжает "Крохотку" следующим образом: "Все нам кажется, что дух наш будет летать над могилой и озираться на тихие просторы" (там же:501). Следовательно, в этом месте можно было бы остаться навсегда.

А сейчас на месте красоты, монастырей уродство и опустошенность, о чем равнодушный свидетель говорит: "Детская колония здесь была, так мальчишки, они же не разбираются, все стены изгадили, иконы побили. А потом колхоз купил обе церкви за сорок тысяч рублей - на кирпич, хотел шестирядный коровник строить" (Солженицын 1999:501). Здесь подчеркивается, согласно Кодзису, животный примитивизм и духовная пустота эпохи, которые очень явно видны в лирической миниатюре (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001>>). Действительно из ценных монастырей, которые раньше служили общественными опорными столбами, сейчас хотят только извлекать денежную выгоду. Даже монастырь, в мире второй, годится теперь только на строительный материал. Уже о

красоте или о религиозности не говорят. Таким образом, разумеется, и это место потеряло свой особенный дух и теперь там царует духовная пустота.

В лирической миниатюре Солженицын, показывая духовный и нравственный упадок сограждан, задумывается над его истоками. Обращая внимание на то, что, вся эта древность, в том числе и, древние монастыри, и прах поэта Полонского, символизирующие духовные ценности прошлого, были превращены в лагерь, в тюрьму он пишет, что:

Но - нет куполов, и церквей нет, от каменной стены половина осталась и достроена дощаным забором с колючей проволокой, над всей древностью - *вышки*, пугала гадкие, до того знакомые, до того знакомые (Солженицын 1999:501)...

Следовательно, Солженицын стремится подчеркнуть, что причиной морального падения соотечественников является их полный разрыв с национальными и религиозными традициями (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001>>).

Кроме того, Солженицын, подчеркивает слова, намекающие на социальной несвободный строй общества, а также на то, что в обществе кто-то наблюдает над людьми. Это наблюдение совершается, по всей видимости, насилью, так как "вышки, пугала гадкие". Это, в свою очередь, намекает на насилие в целом. Солженицын предполагает, что такие *вышки* - везде в русском обществе так как они "до того знакомые". Он, вероятно, считает, что не все эти *вышки* обязательно конкретные, но и символические. Все же дело в том, как кстати уже говорилось в связи с предыдущими рассказами, что с точки зрения Солженицына, советский режим сделал всю Россию - зоной. Контроль распространился по всей стране. Таким образом в обществе нет свободы. Помимо конкретных лагерей и в нем не обходятся без таких "вышек".

Солженицын продолжает лирическую миниатюру, говоря, что на монастырских воротах "Плакат: 'За мир между народами!' - русский рабочий держит на руках африканенка" (Солженицын 1999:501). Кажется, что Солженицын подчеркивает тот факт, что советский режим проповедует мир между народами, хотя внутри границ советского общества обстановка далека от свободной, так как там и конкретные, и

метафорические "вышки". Следовательно, страна прибегает к сильным мерам, а вслух говорят о мире. Солженицын, вероятно, указывает на противоречивость режима. "Мы - будто ничего не понимаем", он продолжает. С точки зрения Солженицына, все это - искажение фактов: другими словами, - ложь. Как известно, Солженицын постарается рубить всякую ложь не только из замкнутого общества, но и из словесности. У него задача как писателя поставить в известность людей правду. В связи с рассказом "Матренин двор" мы уже тронули проблему лжи и выяснили, что ложь и зло не далеко друг от друга. В своей Нобелевской лекции Солженицын сопоставляет насилие с ложью говоря, что оно непременно сплетено с ложью. Как нам уже известно, героиня в "Матренином дворе" свободна от действия звериного антигуманного мира. Самое важное в этой связи то, что Матрена живет не по лжи.

Несмотря на то, что в советском обществе, очевидно, есть попытка стереть прошлое, тем не менее, это проходит не совсем удачно: "Под церковью склеп открылся, архиерей лежал, сам - череп, а мантия цела. Вдвоем мы ту мантию рвали, порвать не могли" (Солженицын 1999:501)... Кажется, не все можно порвать и поэтому искоренение всего прошлого не удастся, так как где-то еще есть настоящая Россия. О том свидетельствует, к примеру, - Матрена, которая вопреки всем обстоятельствам живет по старым принципам и таким образом - она носитель народной нравственности.

В "Петушьем пеньи" Солженицын тоскует по прежнему, можно сказать крестьянскому укладу жизни в провинции. Он пишет, что:

С обезлюженем, с запустением, с вымиранием наших деревень забыли мы, и помнить, а поколения и не слышали никогда - полуденного многогласного петушьего переклика. Из дворов во дворы, через улицу, за околицу, в солнечное лето - удивителен этот хор победной жизни. Редко от чего приходит такое успокоение в душу (Солженицын 1999:520).

Следовательно, не меняя своих убеждений, автор до сих пор предпочитает жизнь в провинции. Там, по его мнению, занятия добрые и там "благословенный мир, нетревожный покой, таково нынешний день тек досюда - да отчего б ему не потечь и дальше так" (там же:520). Солженицын считает, что и нынешние провинциальные люди ближе к его идеалу, в них он видит надежду. О том будет идти речь еще при дальнейшем анализе миниатюры "Позор".

Крестьянскому укладу свойственно также трудолюбие - качество, восхищающее Солженицына. Как известно, оно входит в понятие солженицынского народного характера. Раньше уже было отмечено, что труд тесно связан с образами Ивана Денисовича и Матрены. Можно сказать, что они даже не могли ни трудиться, потому что они вечные труженики. Тема труда также явно видна в лирической миниатюре "Колхозный рюкзак", так как в ней мысли повествователя завершаются выводами, неожиданно придающими содержанию миниатюры переносный смысл. Крестьянская корзина-рюкзак, емкостью и прочностью свой восхищающая повествователя, отражает смекалистость, трудолюбие и жертвенность русской женщины-колхозницы взявшей на свои плечи тяжесть забот о прокормлении семьи. (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001>>.) Кодзис развивает мысль о том, что тяжелое бремя русской крестьянки в сознании автора ассоциируется и с писательским трудом, о котором Солженицын говорит в своей Нобелевской лекции. Писательский труд он понимает как ответственный общественный долг. Непосредственно прозвучавшая в лирической миниатюре мысль о писателе как властителе душ, восходит к традиции А. Пушкина, Л. Толстого и Ф. Достоевского.

Прочитав "Лиственницу", можно продолжать речь о Матренине и Иване Денисовиче, так как, по всей видимости, в лирической миниатюре речь идет в основном о столь важной для Солженицына жизнестойкости. "Вязовое Бревно" подобно "Лиственнице" символизирует стойкость, могущество природы, ее способность к сопротивлению и сохранению своих живительских сил (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001>>). Нельзя отрицать, что понятие автора о народном характере тесно связано с этими темами. И герой в рассказе "Один день Ивана Денисовича", и героиня в "Матренином дворе" обладают этими насущными, с его точки зрения, качествами. Их стойкость характера, способность к сопротивлению антигуманным ценностям, а также сохранение живительных сил проявляются в разных формах. Иван Денисович и Матрена, как лиственница в лирической миниатюре Солженицына, древесная ткань которой "наинадежная в мире, и топор ее не всякий возьмет, [---] и покинута в воде - не гниет, а крепится все ближе к вечному камню" (Солженицын 1999:512). Они, действительно, по характеру - устойчивые люди. Топор их не всякий возьмет: они не сдались трудным

обстоятельствам и к тому же, как известно, они никогда не отказались от помощи людям. Словом, они наинадежные люди в мире, с точки зрения автора.

Как известно, в лирических миниатюрах проблема сегодняшнего, а также будущего состояния России подчеркивается неоднократно. В "Колоколе Угличе" Солженицын пишет, что не первый раз колокол возвещает общий страх за Русь. "Те раскатные колокольные удары - клич великой беды - предвестили Смуту Первую. Досталось и мне, вот, сейчас ударить в страдальный колокол - где-то в длении, в тлении Смуты Третьей" (Солженицын 1999:514). Миниатюра продолжается следующим образом: "И как избавиться от сравнения: предвидческая тревога народная - лишь досадная помеха трону и непробивной боярщине, что четыреста лет назад, что теперь" (там же:514). При главе о солженицынском народном характере было отмечено, что, с его точки зрения, у русских отсутствует свойство предвидеть. По всей вероятности, это действительно так. Может быть, иначе не допустили бы, чтоб история повторялась.

Тема патриотизма связана с проблемой состояния сегодняшней России. Об этом говорится, в частности, в лирической миниатюре "Костер и муравьи". В ней муравьи попали в огонь вместе гнилым бревном, в котором они жили. Тем не менее, они не убежали из костра. Они не хотели покидать свой родной дом. Здесь очевидно подчеркивается стихийный героизм муравьев. Поведение солженицынских муравьев, как пишет Кодзис, ассоциируется с патриотическим порывом жителей Москвы в романе Л. Толстого, которые, несмотря на опустошение, возвращаются в свой город-муравейник. Таким образом, намекая на образ толстовского "человеческого муравейника", Солженицын взывает в этой лирической миниатюре к патриотическим чувствам соотечественников, напоминая им, что нельзя покидать родину, которая находится в опасности. (Кодзис <<http://lit.1september.ru/articlef.php.?ID=199703001.>>) Тема патриотизма продолжается также в лирической миниатюре "Позор".

9.2.4. "Позор"

Разумеется, Солженицын - человек, проникнутый патриотизмом. В своей публицистической книге "Россия в обвале" он определяет патриотизм, следующим образом:

Патриотизм - это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но с служением не угодливым, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке ее пороков, грехов и в раскаянии за них (Солженицын 1998:152).

Следовательно, кроме любви к родине в патриотизм включается и чувство ответственности за нее. Мы уже коснулись темы ответственности при разговоре о толстовском "человеческом муравейнике". С точки зрения Солженицына, любовь к родине должна быть такова, что человек готов жертвовать самим собой ради нее. Подобно муравьям каждая личность несет ответственность за свою родину особенно во время опасности. К тому же Солженицын приводит пример Соединенных Штатов, где патриотизм стоит высоко. Там, он пишет: "Не только никто его не стыдится, но Америка дышит своим патриотизмом, гордится им" (Солженицын 1998:152-153). Вот такие чувства, с точки зрения Солженицына, должны иметь и русские, так как патриотизм - достояние многих стран, желательно чтоб и России. Тем не менее, вместо теплых чувств Солженицын начинает миниатюру "Позор", выражая стыд за нее: "Какое мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину" (Солженицын 1999:516). Действительно, прочитав первые строчки этой миниатюры, бросается в глаза противоречие между идеалистическими солженицынскими определениями патриотизма, и тем, что есть в действительности: "В чьих Она равнодушных или скользких руках, безмыслию или корыстно правящих Ее жизнь. В каких заносчивых, или коварных, или стертых лицах видится Она миру" (Солженицын 1998:516). Следовательно, чувство к родине не благожелательные, так как отношение к ней равнодушное. Как будто родина испытала измену. Солженицын, жалея свою родину, подчеркивает тот факт, что в стране не все в порядке, а она переживает трудные минуты. Причиной является то, что, как он пишет в связи с патриотизмом, теперь "понятие 'свободы' - и даже особенно в потрясенной всеми 'шоками' России - внесено до полного забвения *обязанностей*

человека и до свободы от всякой ответственности" (там же:153). Тут, разумеется, стоит сказать, что солженицинское мнение таково, что человек - ответственен, в первую очередь, за свои, но также и за общегосударственные поступки. Следующий отрывок из лирической миниатюры демонстрирует нам, как позор за страну огорчение общегосударственное:

Унизительное чувство, неотстанное. И - не беглое, оно не переменяется легко, как чувства личные, повседневные, от мелькучих обстоятельств. Нет, это - постоянный, неотступный гнет, с ним просыпаешься, с ним проволакиваешь каждый час дня, с ним роняешься в ночь. И даже через смерть, освобождающую нас от огорчений личных, - от этого Позора не уйти: он так и останется висеть над головами живых, а ты же - их частица (Солженицын 1999:517).

Другими словами, Россия в обвале. Это, разумеется, позорное состояние России. Видимо, на взгляд Солженицына, виноваты в этом, не только живые, а также и прошедшие поколения, так как частично из-за них государственные дела в таком состоянии.

Самое важное, однако, какова причина ощущения стыда за родину, а также ее позорного состояния? Хотя временной промежуток между этой лирической миниатюрой и предыдущими - почти тридцать лет, и в обществе многое изменилось, так как Советский Союз распался, многие темы бывшие закрытыми увидели свет, но некоторые проблемы, преимущественно более всечеловеческие, остались. Мы уже неоднократно говорили о значении духовности для России в связи с Солженицыным, и вновь эта тема у нас перед глазами. Как известно, духовность и вообще народная жизнь играют огромную роль в выздоровительном процессе России. Солженицын тревожно отмечает в своей миниатюре, что: "Какое тленное пойло вливают Ей вместо здоровой духовной пищи. До какого разора и нищеты доведена народная жизнь, не в силах взнаться" (Солженицын 1999:517). Народная жизнь, так или иначе, связана с землей. Выше было уже отмечено, что кроме хозяйственного смысла, земля для человека содержит и нравственный смысл. Недаром Солженицын опасается, что происходит ослабление тяги к земле, и, таким образом, не только народная жизнь, но и нравственность русского народа поставлены под угрозу. Солженицын опасается, что народная жизнь уже совсем не в силах "взнаться" и здесь, вероятно, он описывает наихудший вариант для России:

"Листаешь, листаешь глубь нашей истории, ищешь ободрения в образцах. Но и знаешь неумолимую истину: бывало, и вовсе гибли народы земные. Это - бывало", он пишет (там же:517).

Солженицын уверен, что не русская история придет на помощь, а опять - люди. А какие люди и где они, те люди, на которых Солженицын полагается?

Нет, другая глубь - той четверть-сотни областей, где побыл я, - вот та дышит мне надеждой, там видел и чистоту помыслов, и неубитый поиск, и живых, щедродушных, родных людей. Неужель не прорвут они эту черту обреченностей? Прорвут! еще - в силах (Солженицын 1999:517).

Следовательно, Солженицын нашел что искал: настоящие народные характеры. Этот отрывок из "Позора" напоминает нам рассказ "Матренин двор". Вне городов Солженицын и тридцать лет назад нашел подлинный русский народный характер с праведническими чертами в образе Матрены Григорьевны Васильевой и то же самое повторяется и сейчас. Матрена и Иван Денисович своим существованием как бы тогда говорили, что Россия еще есть и есть надежда на ее возрождение. То же самое возможно и сейчас, так как, согласно автору, в России есть все еще родные (т. е. согласно Толковому словарю русского языка (1996) "свои" по рождению по духу, по привычкам), щедродушные люди с чистыми помыслами. Где-то еще сохранились корни подлинной русскости, которая, с точки зрения Солженицына, сделает Россию уникальным местом. В этой связи можно подвести итог, что, несмотря на социальный строй России, будь то дореволюционная Россия, Советская Россия или сегодняшняя Россия, солженицынский народный характер в основном состоит от качеств, свойственных Матрене и Ивану Денисовичу.

И путем выздоровления для страны является не "вливать ленное ей тленное пойло", а надо постоянно оживлять народную жизнь и таким образом поднимать уровень духовности. Нам известно, опираясь на исходное название рассказа "Матренин двор", что без праведника не стоит село. Недаром Солженицын полагается на людей с народными характерами, считая, что от них зависит судьба всей страны. К счастью, они еще есть в России. Значит, мощь России создается из скромных иванов денисовичев и матрен, у которых сохранилось сила духа и нравственные начала.

Именно в этом величии русского народного характера (<http://5ballov.com.ru/soch/solzhenitsin/nacionalnyj.html>).

Таким образом, проанализировав солжениценовские лирические миниатюры, необходимо подчеркнуть сопоставление прошлого и настоящего, особенно их разные ценности. Кроме того, в них ощущается тревога за судьбу России. Причиной является, например, отношение к религиозности важное для солженицынского понятия о родине, а также понятия о русском народном характере. Религия была раньше естественной частью жизни русского человека и таким образом помогала человеку побеждать в себе необузданные звериные инстинкты, так как представления русских о нравственности вытекали из религии. Можно сказать, что с точки зрения Солженицына, жили "по-нашему". В обществе была здоровая атмосфера из-за духовности, гармонии и красоты. Однако, с изменением ценностей советское общество превратилось в дикое место.

При советской власти изменение коснулось особенно религиозности, и вследствие этого русские потеряли свое высшее качество - именно правду Божью. На ее место пришла земная, советская власть со своими законами далекими от религиозных. Проблемы зла и насилия стали актуальными. Земная власть не может препятствовать, например, бессовестности. Все, что раньше высоко оценивалось, хотели разрушить, как будто намерением было стереть все русское прошлое. Неосвещение национального прошлого стало фактором нового режима. Нам известен тезис автора об инородности революции. Следовательно, новые законы созданы "чужими", которые подобно Кощею Бессмертному держат в страхе и послушании русскую нацию.

Атмосфера в обществе под новыми законами - атмосфера запретов, лжи и насилия. Вся Россия становится зоной. От этого следует проблема несвободы личности. Описанный нами "антимир" влияет на людей, меняя их характеры. Недаром Солженицын выражает тревогу за судьбу своей страны, цели, которой стали материальными с имперскими тенденциями, против которых автор сильно возражает.

Особенно глубокое понимание солженицынского народного характера нам дает старая легенда про град Китеж. Этот невидимый город был населен праведниками и там царила социальная справедливость. Самое важное, однако, был тот факт, что прежние его жители ушли под землю праведными, непокоренными, не изменившими своим богам. Внешнее давление не изменило их убеждений. Они не сдались перед новыми условиями. Подобно прежним жителям, также Шухов и Матрена не сдались. Иван Денисович не научился быть своим в лагере и Матрена не приучилась к антигуманным законам нового режима. Нет, они остались борцами за жизнь, за справедливость, за человечности. В них и подобных им людям Солженицын видит мощь России и надежда на ее возрождение и сейчас.

10. Заключение

На протяжении 30-х и 40-х годов народность в литературе рассматривалась неотрывно от партийности. Затем актуальны стали частные аспекты народности, в том числе и изображение крестьянина как носителя нравственных ценностей. Этот факт виден и в произведениях Солженицына. Его понятия народности в литературе - это возвращение к понятиям народности в XIX в. и начале в XX веке, так как он продолжает традицию русской классической литературы, обращая особое внимание на идею нравственности.

В солженицынских текстах показывается явно типичная для русского народа черта: противоположность между добром и злом. Доброта свойственна русскому народу. Это, вероятно, играет важнейшую роль с формировании солженицынской трактовки русского народного характера. Понятие добра можно распространить на всю дореволюционную Россию в целом, так как, с точки зрения Солженицына, в него включается царская Россия с ее религиозными и духовными элементами. Тогда люди жили, по правде Божьей, столь ценимой Солженицыным, указателем пути было православие. Христианские ценности высоки по своей моралью были следствием православной веры. Тогдашний уклад крестьянского народа был материально скромным, но духовно высоким. Из-за этого в обществе царил гармония.

Сталинская Россия, в свою очередь, создала много антигуманных правил для жизни людей. Из этого последовал изображаемый Солженицыным духовный и нравственный упадок русского общества. Земная власть советского общества репрезентирует не только духовную пустоту, но и зло и насилие. Это воздействует на людей отрицательно. В такой враждебной и несвободной атмосфере нелегко сохранить человеческое достоинство. Поэтому Ивану Денисовичу нелегко в зоне, и Матрене, хотя она находится на воле, ничуть легче. Тем не менее, Шухов не шакалит, не стучит, не совершает злодеяний, так как для него главное выжить не физически, а нравственно. У Матрены жизнь также нелегкая, но она не озлобится, не отворачивается от людей. Они оба даже в таких бесчеловечных условиях сохраняют идеалы добра. Таким образом, Иван Денисович не подчиняется обстоятельствам, а наоборот, сохраняя свою самобытную личность и внутреннюю свободу, является

своего рода борцом доброты. Он обладает нравственной справедливостью и поэтому у этого "простого человека" может поучиться даже такой образованный человек, как Цезарь Маркович, и другие солагерники.

То же происходит и с Матреной, которая в отличие от других односельчан, сохраняет свою индивидуальность. Снаружи в жизни Матрены царит скромность, можно даже сказать, беднота, а ее внутренний, душевный мир очень богат. Живя интуитивно по правде Божьей, она живет по старым принципам и противостоит, таким образом, антигуманным правилам советского режима. Следовательно, не живя лжи, она со своей добротой бунтует против зла и остается, таким образом, внутренне свободной. Ее двор как отдельный, нетронутый остров, в котором сохранилось сокровище народного духа. Там все еще существует гармония. Из-за всего этого можно сказать, что Матренин двор со всеми добрыми элементами напоминает нам легенду про град Китеж, про праведный город, который является высшим общественным идеалом для Солженицына, а также важнейшим ядром его мышления.

Имея устойчивый характер, добродетельная, трудолюбивая Матрена - праведница. Правдивость даже видна на ее лице. Не унижаясь и не участвуя в творимом зле и Иван Денисович сохраняет свою душевную стройность и совесть. Из-за своей стойкости, он не теряет эти сокровища. Он тоже праведник. Такая огромная сила воли свойственна носителям русского народного характера.

Итак, в советскую эпоху Солженицын становится в оппозицию ложным нравственным основаниям общества, подчеркивая важность нравственных принципов и внутренней свободы даже в условиях максимального внешнего отсутствия ее. Здесь, как мы пытались показать, играют важную роль носители крестьянского народного характера. К тому же в эту эпоху в народный характер включаются и такие элементы, которые внутренняя борьба против зла и насилия, укрепляет или, возможно, даже выявляет у носителей такого характера.

Что касается сегодняшней России, то Солженицын с особой ясностью подчеркивает ее катастрофичность. Единственное, что сейчас надо сделать, - это менять курс

русской истории. В этом процессе, подчеркивает Солженицын, в высшей степени важны люди, похожие на Ивана Денисовича и Матрену, которые возьмут на себе ответственность не только за родину, но и за свои поступки. В таких людях Солженицын видит национальное спасение.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович, Г. Л. 1970. Введение в литературоведение. М.: Просвещение.
- Акимов, В. М. 1995. Сто лет русской литературы: От серебряного века до наших дней. СПб: Лики России.
- Бем, А. Л. 2001. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры.
- Бирюков, Н. И., Сергеев, В. М. 1997. "Соборность" как парадигма политического сознания. Полис. № 3. с. 65-73.
- Вайль, П., Генис А. 1998: Мир советского человека. Изд. 2-е. М.: Новое литературное обозрение.
- Вильчек, А. 1987. Современная русская советская литература. Том II. Отв. ред. А. Г. Бочаров, Г. А. Белая. М.: Просвещение.
- Вознесенская Т. 1999. Лагерный мир Александра Солженицына: тема, жанр, смысл. Литературное обозрение. №1. с. 20- 24.
- Вышеславцев, Б. П. 1995. Русский национальный характер. Вопросы философии. № 6. с. 112-121.
- Герасименко, А. П. 1998. Русская литература XIX -XX веков. Том II. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Голубков, М. М. 1999. Александр Солженицын. М.: Изд-во МГУ.
- Жилина, Н. П. 2000. Новеллистика В. Шукшина в литературном процессе 60 - 70-х годов XX века. Калининград: КГУ.
- Калинский, В. 1965. Партийность и творческая индивидуальность писателя. М.: Художественная литература.
- Кравцов, М. И. 1966. История русской литературы второй половины XX века. Отв. ред. М. И. Кравцов. М.: Просвещение.
- Криницын, А. Б. 1998. Русская литература XIX - XX веков. Том I. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Кузьмин, В. В. 1998. Поэтика рассказов А. И. Солженицына. Тверь: ТВГУ.
- Лихачев, Д. 1990. О национальном характере русских. Вопросы философии. № 4. с. 3- 6.
- Лопухина- Родзянко, Т. А. 1974. Духовные основы творчества Солженицына. Франкфурт: Посев.

- Лосский, Н. О. 1991. Характер русского народа. Философия и жизнь. № 2. с. 35- 58.
- Малинкович, В. 1985. Не по былинам сего времени, а по замыслению бояню. Форум. № 11. с. 39-73.
- Матвеева, Н. 2002. Булгаков о характере русской нации. Вестник московского университета. № 4. с. 118-133.
- Мешков, Ю. А. 1993. Александр Солженицын: Личность, творчество, время. Екатеринбург: Диамант.
- Нива, Ж. 1984. Солженицын. London: Overseas Publications Interchange ltd.
- Нянковский М. А. 2001. Русская литература XX века. Отв. ред. В. В. Агеносов. М.: Дрофа.
- Паламарчук, П. Г. 1991. Александр Солженицын: путеводитель. М.: Столица.
- Поспелов, Г. Н. 1987. Теория литературы. М.: Высшая школа.
- Редькин, З. 1998. Система нравственных ценностей в творчестве А. И. Солженицына. Тверской солженицынский сборник. Отв. ред. В. А. Юбин, В. В. Кузьмин. Тверь: ТБГУ. с. 66-90.
- Солженицын, А. И. 1970. Собранные сочинений. Том I. Франкфурт: Посев.
- Солженицын, А. И. 1990. Как нам обустроить Россию? Париж: YMCA-Press.
- Солженицын, А. И. 1991. Рассказы. М.: Инком.
- Солженицын, А. И. 1995. Публицистика. Том I. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.
- Солженицын, А. И. 1998. Россия в обвале. М.: Русский путь.
- Солженицын А. И. 1999. Избранные произведения. Екатеринбург: У-фактория.
- Соркина, А. В. 1955. Русские писатели о литературном труде. Том I. Отв. ред. Б. Мейлах. Советский писатель: Л. с. 122-131.
- Спивак, И. А. 1961. Партийность и народность советской литературы. Дрогобыч: Дрогобычский государственный педагогический институт.
- Умеров, Ш. 1999. Александр Солженицын и ненасилие. Новый мир. № 7. с. 49-54.
- Урманов, А. В. 1999. "Матренин двор" А. И. Солженицына: Художественный

мир. Поэтика. Культурный контекст: Сборник научных трудов. Отв. ред. А. В. Урманов. Благовещенск: БГПУ.

Чалмаев, В. А. 1994. Александр Солженицын жизнь и творчество. М.: Просвещение.

Яковлев, А. 1972. Против антиисторизма. Литературная газета. № 46. с. 3-5.

Clark, Katerina 1998. Reference Guide to Russian Literature. Ed. by N. Fitzroy. Dearborn Publishers: Chicago, p. 55-59.

Gillespie, David 1998. Reference Guide to Russian Literature. Ed. by N. Fitzroy. Dearborn Publishers: Chicago, p.59-64.

Hellberg-Hirn, Elena 1998. Soil and Soul: The Symbolic World of Russianness. Ashgate Publishing Company: Brookfield.

Hellman, Ben 1995. Venäläisen kirjallisuuden historian pääpiirteet (1056-1991). Helsingin yliopisto Lahden tutkimus- ja koulutuskeskus. Yliopistopaino: Helsinki.

Kenez, P., Shephard, D. 1998. Russian Cultural Studies. Ed. by C.Kelly, D. Shephard. Oxford University Press: New York.

Leatherbarrow, W. 1998. Reference Guide to Russian Literature. Ed. by N. Fitzroy. Dearborn Publishers: Chicago, p.252-253.

Offord, Derek 1998. Reference Guide to Russian Literature. Ed. by N. Fitzroy. Dearborn Publishers: Chicago, p. 151-152.

Terras, V. 1985. Handbook of Russian literature. Ed. by V. Terras. Yale University Press: New Haven, p. 423- 426.

Tussing Orwin, Donna. 1998. Reference Guide to Russian Literature. Ed. by N. Fitzroy. Dearborn Publishers: Chicago, p.815-817.

Словари:

Даль, В. 1955. Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. Изд. 2-е. СПб: Изд. книгопродавца- типографа М. О. Вольфа.

КЛЭ 1968 = Краткая литературная энциклопедия. Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия.

Краткий этимологический словарь русского языка. 1971. Гл. ред. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. М.: Просвещение.

Мифологический словарь. 1990. М.: Советская энциклопедия.

Росси, Ж. 1987. Справочник по ГУЛагу: Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. Overseas Publications Interchange Ltd: London..

Толковый словарь русского языка. 1996. Гл. ред. С. И. Ожеков и Н. Ю. Шведова. 3-е изд. М.: АЗБ.

Материалы, опубликованные в Интернете:

<<http://sputnik.mto.ru/>>. Просмотрен 19.10.2005

<<http://www.coolsoch.ru>> Просмотрен 19.10.2005

Капитанчук В. А. <<http://www.ikonolog.narod.ru/>>. Просмотрен 19.10.2005

Кодзис Б. <<http://lit.1september.ru/>>. Просмотрен 20.10.2005

<www.hi-edu.ru/>. Просмотрен 20.10.2005

Морохин Н. В. (1985) <<http://www.ecoethics.ru/>>. Просмотрен 20.10.2005.

<<http://lj.rossia.org/users/miroshichenko/1693.html>> Просмотрен 20.10.2005

Симонова Н.М. 27.1.2004 <<http://samara.orthodoxy.ru/>>.

<<http://5ballov.com.ru/soch/solzhenitsin/nacionalnyj.htm>> Просмотрен 2.1.2006